

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

Н. ПАНЧЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1859

ЗАДУШЕВНАЯ ИСПОВѢДЬ.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ БЫЛЬ.

СЪ ВАРИАЦІЯМИ НА ТЕМУ «ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.»

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.
(Лермонтовъ).

«Всѣмъ сестрамъ — по серьгамъ, всѣмъ братьямъ — по платьямъ.»
(Русская пословица).

Н. МАКАРОВА.

ГЛАВА XI.

СТАРИННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, я страстно любилъ музыку. Первая музыкальная моя страсть была—скрипка. Еще до отъѣзда моего на службу въ Варшаву я уже началъ пилить на этомъ инструментѣ, сперва по слуху наигрывая разныя пѣсня, а потомъ уже и по нотамъ, бравши уроки у доморощеннаго капельмейстера въ домѣ моей богатой тетки, Ши—вой. По пріѣздѣ въ Варшаву, я умолялъ моего дядю дать мнѣ учителя на скрипкѣ. Онъ и самъ былъ большою поклонникъ музыки и усердно по цѣлымъ часамъ насвистывалъ на флейтѣ разныя аріи изъ извѣстныхъ тогда оперъ, и однажды вызвалъ слѣдующую остроту у одного изъ своихъ товарищей :

«Какой толстый, а какъ тонко свищетъ!»

Но въ отношеніи къ моей музыкальной страсти, этотъ чужакъ-дядя оказалъ сочувствіе, совершенно согласное съ его циническими воззрѣніями на вещи и на людей. Онъ купилъ для

меня скрипку на одномъ аукціонѣ за три рубля ; а къ учителямъ взялъ полковаго и пьянаго музыканта, игравшаго на валторнѣ, но который въ то же время и на скрипкѣ наигрывалъ секунду въ бальномъ квартетѣ. Можете послѣ этого судить о блистательныхъ успѣхахъ моего музыкальнаго образованія. Послѣ десяти такихъ уроковъ я потерялъ всякую охоту продолжать ученіе, которое тѣмъ и кончилось. Черезъ три года послѣ того, когда я подростъ, я былъ отправленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тутъ возобновилъ я ученіе мое на скрипкѣ. Мнѣ удалось уже пріобрѣсти инструментъ много лучшей того, что былъ купленъ на аукціонѣ за три рубля. Но не только затруднительно, а почти невозможно было для меня правильное изученіе игры на обожаемомъ мною инструментѣ. Хорошаго и даже никакого учителя нельзя было имѣть въ школѣ, и потому я учился самъ, безъ учителя. Въ промежуткахъ между классами, когда всѣ мои товарищи отдыхали, я уходилъ на чердакъ и тамъ копилъ надъ школою Бальо. Страсть моя усилилась еще болѣе отъ слѣдующаго обстоятельства.

Во время коронованія въ Варшавѣ императора Николая Павловича, въ маѣ 1829 года, пріѣзжалъ туда знаменитый Паганини, этотъ царь всѣхъ бывшихъ и настоящихъ скрипачей. Онъ произвелъ неописанный фуроръ и далъ девять концертовъ въ народномъ театрѣ, которые были биткомъ набиты, несмотря на тройную цѣну билетовъ. Я и не досыпалъ, и не доѣдалъ отъ непреодолимаго желанія слышать знаменитаго скрипача ; но — увы ! — подпрапорщикамъ запрещено было посѣщать театры и концерты. Страсть моя была сильнѣе всякаго благоразумія : однажды я досталъ партикулярное платье, переодѣлся въ него и отправился въ раѣкъ во время одного изъ концертовъ Паганини. Что я тогда почувствовалъ, этого нельзя описать... Я плакалъ, рыдалъ, слушая дивные звуки, извлекаемые волшебнымъ смычкомъ изъ волшебной скрипки этого гиганта исполнительской, концертной музыки, подобнаго которому я никогда не слышалъ и вѣроятно никогда не услышу. Я возвратился изъ концерта въ какомъ-то ошарашеніи, не спалъ всю ночь : въ ушахъ моихъ все еще слышались небесные звуки новѣйшаго Орфея. Нѣсколько дней я ходилъ на помѣшаннаго и однажды думалъ идти къ Паганини, броситься къ нему въ ноги и умолять взять меня къ себѣ въ услуженіе. Но служебныя занятія скоро расходладили мой музыкальный восторгъ, и я остался въ школѣ и по

прежнему продолжалъ на чердакѣ проходить гаммы и разные учебные пассажи; а въ комнатѣ, между товарищами, наигрывалъ мазурки, вальсы, галоны и аріи изъ «Сороки-воровки», Семирамиды, Севильскаго цирюльника» и многихъ другихъ руссиіевскихъ оперъ.

Наконецъ я былъ произведенъ въ офицеры и началъ—было брать правильные уроки у одного хорошаго скрипача изъ театральнаго оркестра. Но черезъ три мѣсяца послѣ моего производства вспыхнулъ польскій мятежъ, и ученіе мое прекратилось. Даже самая скрипка и всѣ мои ноты остались и продали въ Варшавѣ. По усмирении мятежа и взятіи Варшавы, полкъ нашъ оставилъ Польшу и былъ расположенъ на постоянныя квартиры въ Ораніенбаумѣ. Но я уже не возобновлялъ изученія моего любимаго инструмента, хотя и не бросалъ его совершенно. Игралъ я немного и на шестиструнной гитарѣ, но игралъ безъ всякаго серьезнаго намѣренія, а болѣе для акомпанимента собственному своему пѣнію, которое тоже входило въ кругъ моихъ музыкальныхъ занятій. Такимъ образомъ дожилъ я до второй моей отставки и поселенія въ деревнѣ около Тулы, въ августѣ 1838 г., съ первою моею женою. Въ то время скрипка была уже окончательно мною оставлена, а гитара все болѣе и болѣе входила у меня въ милость, вскорѣ овладѣла всѣми моими мыслями и чувствами и сдѣлалась уже цѣлью моей жизни, предметомъ ежедневныхъ и самыхъ усиленныхъ занятій. Главною причиною такого рѣдкаго увлеченія было слѣдующее: почти всѣ мои родные и многіе изъ знакомыхъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, повторяли мнѣ, что я напрасно теряю время на безплодный трудъ, что гитара—такой инструментъ, на которомъ нельзя сыграть ничего порядочнаго, и что наконецъ мнѣ уже поздно начинать изученіе такого труднаго и неблагодарнаго инструмента и поэтому я никогда не дойду не только до первокласной, художественной, но даже до удовлетворительной игры. Такое мнѣніе сперва возбуждало во мнѣ нетерпѣніе, а потомъ раздражало меня и окончилось возбужденіемъ во мнѣ самой желѣзной настойчивости, самой непреклонной рѣшимости—стать если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ современныхъ гитаристовъ. Около того времени удалось мнѣ приобрести въ Москвѣ очень хорошую вѣнскую гитару, работы Штауфера, лучшаго тогда гитарнаго мастера въ Европѣ.

Я разучилъ уже нѣсколько серьезныхъ, большихъ пьесъ для гитары, преимущественно сочиненія Мауро-Джуліани, величайшаго гитарнаго композитора. Но я чувствовалъ тогда же, что стиль Джуліаниевской музыки устарѣлъ, что въ этой, впрочемъ прекрасной, музыкѣ не доставало уже многого, чего я не могъ еще тогда себѣ объяснить; не было въ ней того новѣшаго блеска, того концертнаго шика, который находился въ сочиненіяхъ тогдашнихъ виртуозовъ фортепьяно, скрипки и другихъ главныхъ инструментовъ. Поэтому обладаемый мною репертуаръ гитарной музыки далеко не могъ удовлетворить моего музыкальнаго голода. Я принялся самъ за сочиненія, не взявши ни одного урока гармоніи и не имѣя ни малѣйшаго понятія о правилахъ композиціи. Тогда же я написалъ нѣсколько малыхъ и большихъ сочиненій, а между ними мазурку, которая впоследствии произвела фуроръ въ моемъ концертѣ въ Брюсселѣ, и «большую симфоническую фантазію», которую называлъ-было я сперва концертомъ, и которая, послѣ многихъ ея передѣлокъ, производила громадный эффектъ на гитаристовъ за границею, во время перваго моего путешествія. Весною 1840 года я посѣтилъ Петербургъ и познакомился тамъ со многими любителями музыки и съ артистами: Вьѣтаномъ, Дреймономъ, Гилью и Сихрою, этимъ патріархомъ семиструнной гитары. Послѣдній, прослушавъ мою «симфоническую фантазію», наполненную необычайными трудностями и самыми блестящими эффектами, по которую игралъ я тогда еще далеко неудовлетворительно, сказалъ мнѣ:

— Не только играть вашу фантазію, но и смотрѣть на нее страшно; вѣдь это музыкальныя дерзости, которыя едва ли сойдутъ вамъ съ рукъ.

Игралъ я эту фантазію и Гилью, бывшему воспитаннику и потомъ члену парижской консерваторіи, и первому солисту на флейтѣ нашего большого театра. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ, прослушавъ меня со вниманіемъ:

— И вы никогда не брали уроковъ ни композиціи, ни игры на гитарѣ?

— Никогда и ни одного урока.

— Vous devez donc avoir une bosse musicale; et si vous allez de ce train-là, je vous prédis d'avance, qu'un jour vous serez Paganini de guitare (*)

(*) Стало быть вы обладаете музыкальною шишкою (органомъ); и если вы будете продолжать такъ же, какъ начали, то я предсказываю, что современемъ вы сдѣлаетесь Паганини гитары.

Этотъ отзывъ произвелъ во мнѣ необыкновенную радость и наэлектризовалъ меня. Но мнѣ необходимо было взять хоть нѣсколько уроковъ на гитарѣ, чтобы освоиться съ основными правилами игры, и я обратился тогда къ одному итальянцу, учителю на шестиструнной гитарѣ. Прослушавъ меня, онъ всталъ, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Я не могу вамъ давать уроки, потому что вы гораздо сильнѣе меня на гитарѣ.

Познакомился я тогда и съ нашимъ даровитѣйшимъ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. Онъ далъ мнѣ нѣсколько самыхъ дѣльныхъ совѣтовъ, которые, впоследствии, принесли мнѣ гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ безусловныя похвалы.

Полный надеждъ возвратился я въ деревню, гдѣ продолжалъ мои музыкальныя занятія еще съ большимъ увлеченіемъ. Зимой 1841 года я прожилъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ и взялъ тамъ нѣсколько уроковъ гармоніи у бывшаго тогда директора московскаго театральнаго оркестра, Іоанниса, превосходнаго музыканта и прекраснѣйшаго человѣка, съ которымъ я оставался друженъ до самаго конца его служебнаго въ театрѣ поприща и пребыванія въ Москвѣ. Онъ почти никому не хотѣлъ давать уроковъ гармоніи, но прослушавъ мою игру на гитарѣ, онъ сказалъ: «если бы вы учились играть на скрипкѣ, то сдѣлались бы однимъ изъ величайшихъ виртуозовъ этого инструмента; но вы избрали самый трудный, неблагоприятный инструментъ, и я отъ души жалѣю, что вы даромъ тратите вашъ талантъ. Но охотно соглашусь давать вамъ уроки генераль-баса».

Невыразимо грустно раздался въ моемъ сердцѣ этотъ отзывъ, и я тяжело вздохнулъ о скрипкѣ, какъ вздыхаютъ о женщинѣ, которую обожали и съ которою разстались вслѣдствіе какого нибудь ребяческаго, глупаго недоразумѣнія и возникшей отъ того ссоры. Какіе интересные вечера проводилъ я у Іоанниса, вмѣстѣ со многими артистами и любителями, въ томъ числѣ и съ покойнымъ Аллбеевымъ, этимъ талантливымъ, но далеко не вполне оцѣненнымъ аматеромъ-композиторомъ.

Великимъ постомъ 1841 года я принималъ участіе въ концертѣ любителей, который былъ данъ въ залѣ Тульскаго дворянскаго собранія въ пользу пріюта. Это былъ мой первый дебютъ въ публикѣ. Несмотря на страшную мою робость, которую и потомъ долго еще не могъ я побѣдить, я сыгралъ очень удачно первую часть 3 концерта Джуліани. Акомпанировала мнѣ на

фортепьяно М. С. Д—нова, сестра автора «Горя отъ ума». Это была превосходная пианистка—любительница и одна изъ лучшихъ ученицъ и представительницъ игры Фильда.

Въ началѣ 1844 года я снова посѣтилъ Петербургъ съ единственною цѣлью слышать итальянскую оперу. О, какъ живо помню я первое мое присутствіе въ оперѣ! — Это былъ бенефисъ Віардо. Давали «Соннамбулу» и сцены «Танкреда». Слушая эти восхитительныя партіи, а главное,—исполненіе ихъ безсмертнымъ музыкальнымъ тріумвиратомъ изъ Рубини, Тамбурини и Віардо, мнѣ казалось, что я заживо перенесенъ былъ на небо... Если бы не присутствіе окружавшей меня блестящей публики, я бы заплакалъ отъ восторга и умиленія, какъ это сдѣлалъ я нѣкогда, слушая волшебника Паганини.

Въ эту поѣздку я возобновилъ мои прежнія музыкальныя знакомства, и между прочимъ посѣтилъ я и прадѣдушку гитаристовъ—восьмидесятилѣтняго Сихру. Я уже игралъ мои сочиненія довольно сносно. На этотъ разъ, прослушавъ меня, Сихра всталъ, поклонился мнѣ, обнялъ и поцаловалъ меня, и потомъ сказалъ:

— Охотно склоняюсь передъ вами: вы сдержали гораздо болѣе того, что мнѣ обѣщала ваша прежняя игра. И фантазія ваша перестала теперь быть дерзостію. Вы современемъ можете убить всѣхъ насъ, семиструнныхъ гитаристовъ, необычайною силою и блескомъ вашего исполненія.

Но—увы!—такія похвалы уже перестали меня радовать: чѣмъ болѣе кто хвалилъ меня, тѣмъ недовольнѣе былъ я своею игрою. Я чувствовалъ, что одной силы, бѣглости и блеска недостаточно,—что у меня не было никакой увѣренности въ себѣ. Чувства и огня было у меня много, даже слишкомъ много; но не доставало нѣжности, мягкости, хорошей фразировки, круглоты и оконченности. Однимъ словомъ, я чувствовалъ, что мнѣ еще страшно-далеко до художественной игры. И на меня находило сомнѣніе въ моихъ музыкальныхъ способностяхъ, и потомъ отчаяніе. Въ это пребываніе мое въ Петербургѣ я выписалъ себѣ изъ Вѣны отъ Штауфера новую гитару, улучшенную прибавленіемъ къ ней двухъ струнъ. Отъ этого прибавленія гитара много выиграла и въ силѣ тона, и въ гармоническихъ средствахъ.

Возвратясь въ деревню, я еще съ большею настойчивостію принялся за гитару, стараясь пріобрѣсти то, чего не доставало моей игрѣ. Вся бѣда моя происходила отъ того, что я началъ

тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ изученіе игры на какомъ бы то ни было инструментѣ. Не проходя школы и не соблюдая правильной постепенности въ упражненіяхъ, я съ самаго начала принялся побѣждать и побѣдилъ величайшія трудности механизма игры, какъ-то: хроматическія гаммы и трели. Первыми пьесами, которыя разучилъ я, и довольно хорошо, были не этюды, а «большой квинтетъ» и «3-й концертъ Джуліани». Потомъ уже принялся я за свои собственные сочиненія, наполненные необыкновенными трудностями, о которыхъ никто изъ гитаристовъ и думать не смѣлъ до меня. Написалъ я еще музыку для нѣсколькихъ романсовъ, которые потомъ изданы были Гольцемъ въ Петербургѣ. Но вскорѣ вся моя музыкальная дѣятельность должна была прекратиться, и надолго. Явился Штукаревъ съ извѣстными предложеніями, увѣщаніями и блестящими обѣщаніями, которыя, какъ было видно изъ предъидущихъ главъ, исполнилъ онъ самымъ блестящимъ акцизнымъ образомъ. Вступивъ въ его дѣла, я посвятилъ всего себя для пользы этихъ дѣлъ и отрекся отъ моей страсти къ музыкѣ, которою занимался только изрѣдка, чтобы не забыть того, до чего достигъ я съ помощію одной необычайной настойчивости и желѣзной воли. Итакъ, четыре года моей жизни были совершенно потеряны для музыки. Но едва оставилъ я дѣла Штукарева въ началѣ 1849 г., какъ сейчасъ же возобновилъ мои музыкальныя занятія и съ тою же, какъ и прежде, настойчивостію. Но—увы!—я уже далеко не имѣлъ прежней увѣренности въ успѣхѣ достиженія цѣли — быть однимъ изъ первыхъ виртуозовъ гитары. Увѣренность эту поколебали во мнѣ разные толки и самые недоброжелательные обо мнѣ отзывы нѣкоторыхъ «строгихъ цѣнителей и судей» въ музыкѣ и еще собратій моихъ по инструменту. Толки и отзывы эти доходили до моего чуткаго слуха и царапали его самымъ немилосерднымъ образомъ. Говорили, на примѣръ, что я не играю, а только рву струны, что игра моя отвратительна, что меня слѣдуетъ обязать подпискою, чтобы я не смѣлъ брать гитару въ руки, — и много другихъ подобныхъ любезностей. Обезкураживало меня еще совершенное равнодушіе, встрѣчаемое мною въ бѣльшей части любителей музыки, съ которыми приходилось мнѣ имѣть дѣло. Доходило иногда до того, что я хотѣлъ сжечь и гитару, и всѣ мои сочиненія и ноты, и навсегда отречься отъ музыки. Но несмотря на это минутное паденіе духа, я постоянно имѣлъ въ виду дальнѣй-

шее улучшение гитары въ отношеніи силы, тона и пѣвучести. Хотя у меня была тогда очень хорошая и сильная гитара, а однако еще разъ обратился къ Штауферу и отправилъ къ нему письмо, которое, подѣйствовавъ на его самолюбіе, могло бы подвинуть его къ придуманію новыхъ улучшеній въ моемъ любимомъ инструментѣ. Я умолялъ его сѣздать такую гитару, которая была бы памятникомъ его славы, какъ перваго мастера въ цѣломъ свѣтѣ. Я предлагалъ ему назначить за свои гитары, какую хочетъ цѣну, которую заплачу я охотно, потому что произведенія высокихъ талантовъ оцѣниваются не одинаково съ произведеніями промышленности. И заказалъ я не одну, а двѣ гитары вдругъ, въ той мысли, что на свѣтѣ не бываетъ двухъ совершенно равныхъ вещей. А могло случиться, что лучшею изъ двухъ гитаръ выйдетъ именно та, которая не была бы сдѣлана при заказѣ одной гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять спустя, я получилъ отъ Штауфера двѣ гитары, формата гораздо большаго, нежели та, которую прислалъ онъ мнѣ въ 1844 году. И я не даромъ издержалъ деньги: новыя гитары были много громче и пѣвучѣе прежней моей. Штауферъ писалъ мнѣ, между прочимъ, о нѣкомъ Шульцѣ, какъ о величайшемъ современномъ гитаристѣ, и совѣтовалъ мнѣ нарочно сѣздить послушать его въ Лондонъ, гдѣ онъ имѣлъ свое постоянное пребываніе.

Наконецъ настало исполненіе моей давнишней мечты—ѣхать за границу. Сверхъ лѣченія моей жены, путешествіе это должно было рѣшить и мою музыкальную судьбу. Мнѣ хотѣлось знать мнѣніе о моей игрѣ иностранныхъ артистовъ и любителей музыки. Мнѣніе это должно было имѣть для меня значеніе словъ «быть или не быть», значеніе суда присяжныхъ, противъ котораго у меня не было апелляціи. Въ концѣ 1851 года я получилъ заграничный паспортъ и пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ съ женою, болѣзнь которой дошла до того, что она уже не могла ходить и ее переносили на рукахъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ 6 іюня сѣлъ я на любскій пароходъ «Императоръ Николай», вмѣстѣ съ женою и двухлѣтнею дочерью, которая только-что начала ходить. При насъ была еще горничная и вмѣстѣ няня моей дочери, громадная, дебелая нѣмка изъ Любека, которая ѣла и пила за троихъ и воображала и увѣряла, что умѣетъ говорить на четырехъ языкахъ: по-нѣмецки, по-французски, по-англійски и по-русски; тогда какъ оказалось потомъ, что кромѣ своего роднаго языка она знала изъ французскаго только

три слова: «oui, monsieur» и «non, monsieur» и столько же изъ англійскаго и русскаго языковъ. Но описаніе моего путешествія войдетъ въ слѣдующую главу.

ГЛАВА XII.

ПОВЪЗКА ЗА ГРАНИЦУ.—МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ.—КАМ-
ВЕРГЕРЪ, ЗАНИ-ДЕ-ФЕРРАНТИ, ШУЛЬЦЪ, КАРКАССИ И КОСТЬ.

«Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ»,
(Извѣстное изреченіе).

Плаваніе наше до Травемюнде было очень дурно, и я всѣ три дня пролежалъ на палубѣ почти безъ всякой пищи. Кто ѣзжалъ по морю, тотъ вѣроятно знаетъ, какъ мучительна морская болѣзнь, которая уничтожаетъ въ самомъ твердомъ человѣкѣ всю энергію воли, и дѣлаетъ изъ него слабаго ребенка, почти идіота. Софи съ дочерью страдали отъ морской болѣзни гораздо менѣе, чѣмъ я. 10 іюля въ 5 часовъ утра приплыли мы въ Травемюнде. Но желая рассказывать о моемъ путешествіи, я нисколько не намѣренъ описывать тѣ мѣстности, которыя объѣхалъ я тогда и которыя уже были описаны много разъ, описаны одними очень хорошо, другими очень плохо. Я буду говорить только о томъ, что относится къ моей музыкальной жизни и къ болѣзни моей жены.

Изъ Травемюнде проѣхали мы того же дня въ Любекъ, а оттуда въ Гамбургъ, гдѣ провели недѣлю и гдѣ Софи стало лучше и она начала ходить. Морской воздухъ, движеніе, новизна впечатлѣній и полное освобожденіе отъ всякихъ дѣловыхъ заботъ и дразговъ благотворительно подѣйствовали на ея здоровье....

Изъ Гамбурга проѣхали мы въ Кельнъ, куда прибыли въ прекрасный, теплый іюньскій вечеръ и остановились на правомъ берегу Рейна въ превосходной «Hôtel de belle vue». Я не помнилъ себя отъ радости при видѣ этой поэтической рѣки и, казалось, помолодѣлъ двадцатью годами. Внизу, подъ самыми окнами нашей комнаты, въ садикѣ отеля играла прекрасная музыка. Не перемѣняя дорожнаго платья, сейчасъ же пошелъ я по мосту, черезъ Рейнъ, въ самый Кельнъ, — гостиница находилась въ предмѣстіи, насупротивъ Кельна. На мосту и вездѣ толпы народа съ довольными, веселыми лицами; надъ головою ясное, безо-

блачное небо, а подъ ногами широкій, быстрый, ревущій Рейнь. Какъ сладостны были тогда мои ощущенія и сколько горя и тревоженій заставили они меня позабыть въ одну минуту... Рейнь съ его живописными берегами, и питейныя конторы съ ихъ полугарами и недогарами!... Широкое приволье и раздолье беззаботной жизни туриста, и ржавые кандалы произвола и капризовъ питейныхъ тирановъ!... Какой контрастъ, освѣжающій и умъ и душу! На другое утро я выкунался въ быстрыхъ струяхъ Рейна, который былъ для меня, какъ бы купелью возрожденія отъ грѣхопаденія питейной жизни.

Изъ Кельна поѣхали мы на пароходѣ вверхъ по Рейну до Майнца. Кто изъ плававшихъ впервые по этой великолѣпной рѣкѣ не испыталъ на себѣ обаянія очаровательныхъ ландшафтовъ ея береговъ, начиная отъ Майнца до Бонны, или на оборотъ. Что касается до меня и до Софи, мы оба превратились въ восторгъ и не сходили съ палубы, на которой и обѣдали подъ полотнянымъ навѣсомъ и при звукахъ бродящаго оркестра музыки. Изъ Майнца проѣхали мы во Франкфуртъ на Майнѣ, а оттуда въ Гейдельбергъ на консультацію къ знаменитому Геліусу, который присовѣтовалъ женѣ брать ванны, сперва въ Крейцнахѣ, а потомъ въ Швальбахѣ. Разумѣется, мы вполне послѣдовали этому совѣту и черезъ два дня послѣ того были уже въ Крейцнахѣ, гдѣ остановились въ «Hôtel Ebernburg», и всѣ трое, т. е. жена, я, и маленькая Лиза, наша дочь, начали брать ванны.... Не буду много распространяться о пребываніи нашемъ на этихъ довольно скучныхъ водахъ, несмотря на то, что нѣмцы изъ кожи лѣзли, чтобы забавлять пріѣзжую публику. И музыкальные фестивалы въ кургаузѣ, съ танцами подъ-конецъ; и грошевые концерты неизвѣстныхъ виртуозовъ; и вечернія прогулки на лодкахъ по рѣкѣ Нагѣ, съ нѣмецкимъ нѣніемъ и съ чахоточною иллюминаціею небольшого сада на берегу рѣки. Въ этотъ счетъ не входили серенады, отъ которыхъ не избавлялся ни одинъ пріѣзжій на воды иностранецъ, съ мало-мальски порядочнымъ чиномъ или титуломъ; въ особенности же изъ русскихъ рѣдкій и то развѣ самый плохенькій на видъ, избѣгалъ серенады и титула князя, графа или барона, смотря по тому, какъ вздумаетъ рѣшить этотъ вопросъ хозяинъ гостиницы, дѣлавшійся временнымъ герольдмейстеромъ останавливающихся у него иностранцевъ съ туго-набитыми карманами.

Въ концѣ іюля окончился курсъ нашего лѣченія водами въ Крейцнахъ и въ началѣ августа мы перѣехали въ Швальбахъ, гдѣ я и устроилъ жену съ дочерью. А такъ какъ эти воды для меня были не нужны, то я и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы совершить чисто-музыкальное путешествіе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить лондонскую всемірную выставку. Я началъ съ Майнца, гдѣ жилъ нѣкто Камбергеръ, который слылъ великимъ гитаристомъ на берегахъ Рейна. Сейчасъ же по приѣздѣ въ Майнцъ, я взялъ лонъ-лакея и отправился съ нимъ къ Камбергеру. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, смуглый, съ открытымъ, добрымъ лицомъ и одѣтый весьма небрежно. Онъ принялъ меня очень радушно. Я рекомендовался ему, какъ страстный любитель гитары, но не болѣе того, и прибавилъ, что мнѣ хотѣлось бы взять нѣсколько уроковъ на этомъ инструментѣ, который изучалъ я до сихъ поръ безъ всякаго учителя. Камбергеръ взялъ въ руки свою гитару, о шести струнахъ, самую посредственную, которая и вполонину не имѣла той силы тона и пѣвучести, какъ моя осьмиструнная. Съигралъ онъ мнѣ нѣсколько пьесъ своихъ и Джуліани. Игралъ онъ очень сильно, бѣгло, съ одушевленіемъ, но совершенно по методѣ нѣмецкихъ гитаристовъ, т. е. въ игрѣ его не было нѣжности, строгой отчетливости, круглоты; а сверхъ того часто былъ слышенъ непріятный дребезгъ, т. е. рычаніе басовъ. Однимъ словомъ—въ игрѣ его не было вкуса; о стилѣ же игры нечего было и думать.

Поблагодаривъ Камбергера за удовольствіе, доставленное мнѣ его игрою, я просилъ его къ себѣ для того, чтобы онъ послушалъ мою игру и рѣшилъ, стоитъ ли мнѣ продолжать заниматься этимъ труднымъ инструментомъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе и черезъ часъ явился ко мнѣ въ «Hôtel d'Angleterre.» Я подалъ ему мою «симфоническую фантазію», сказавъ :

— Изъ этого вы можете судить и рѣшить о методѣ и силѣ моей игры.

Потомъ взявши гитару, я съигралъ отъ начала до конца это большое сочиненіе, раздѣленное на три части, и съигралъ очень удачно, хотя я далеко не освободился тогда отъ моей робости, которая такъ вредна для начинающихъ, парализуя ихъ природный талантъ и приобрѣтенныя ученіемъ средства. Съ тетрадью потъ въ рукахъ, Камбергеръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за моею игрою, восклицая по временамъ : «schön, sehr

schön. Когда я окончилъ, онъ былъ нѣкоторое время въ какомъ-то остолебненіи, казался уничтоженнымъ, и потомъ сказалъ мнѣ съ большимъ одушевленіемъ, крѣпко пожимая мою руку:

— И вы хотите брать уроки! Да кто же осмѣлится давать ихъ вамъ? Не вамъ, а у васъ слѣдуетъ брать уроки гитарной игры.

И точно: онъ взялъ у меня урокъ, разспрашивая о моихъ треляхъ, которыя дѣлалъ я на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами, съ необыкновенною быстротой, ровностью и силою, въ тоже самое время акомпанируя имъ на басахъ; и потомъ о хроматической гаммѣ, для которой употреблялъ я не два, а три пальца правой руки, что придавало этой гаммѣ быстроту и отчетливость—неслыханныя до того ни у одного изъ знаменитыхъ гитаристовъ. Разумѣется, слова Камбергера очень польстили моему самолюбію, но далеко не были достаточны для того, чтобы исполнѣ успокоить меня насчетъ моего музыкальнаго таланта, въ которомъ я постоянно сомнѣвался, встрѣчая, вмѣсто поощренія, одно равнодушіе и потомъ недоброжелательство между моими любезными соотечественниками, на симпатію которыхъ взяли исключительную привиллегію всѣ заморскіе артисты, и даже фокусники и штукари, которымъ не везло на ихъ родинѣ и которые отправлялись морочить публику полуночныхъ странъ, и морочили ее съ полныхъ успѣхомъ, т. е. собирали обильную дань рукоплесканій и кредитныхъ билетовъ.

Изъ Майнца отправился я на лондонскую выставку, вмѣстѣ съ моимъ шуриномъ, Бо—евскимъ, младшимъ изъ четырехъ братьевъ Софи, который отплылъ за границу на одномъ со мною пароходѣ. По дорогѣ заѣхали мы въ Брюссель, который намъ чрезвычайно понравился, и гдѣ я отыскалъ знаменитаго Zanі de Ferranti, придворнаго гитариста бельгійскаго короля. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень умный, образованный, свѣтскій, любезный и съ изящными манерами. Онъ когда-то, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, былъ въ Петербургѣ и посвятилъ тогда одно изъ своихъ сочиненій для гитары императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ меня наилюбезнѣйшимъ образомъ. Гитара у него была тоже шестиструнная, парижской и самой простой работы. Онъ объявилъ мнѣ, что почти бросилъ этотъ инструментъ и занимается теперь болѣе литературою, нежели музыкою. Однако же онъ сыгралъ мнѣ одну какую-то тему и потомъ «Rosa-Valzer» Штрауса, и сын-

гралъ ихъ превосходно. Въ игрѣ его была бездна вкуса, нѣжности, пѣвучести и выраженія, которыхъ я до тѣхъ поръ не встрѣчалъ ни у одного изъ шестиструнныхъ гитаристовъ. Но онъ принадлежалъ къ партіи отсталыхъ въ гитарномъ мѣрѣ, потому что рѣшительно отвергалъ явную пользу прибавленія къ гитарѣ двухъ струнъ и отстаивалъ гитарное statu-quo, т. е. сохраненіе прежнихъ шести струнъ. Между прочимъ, онъ показалъ мнѣ съ гордостію на одинъ драгоцѣнный документъ. Это была четвертушка простой бумаги, оправленная въ рамки и висящая на стѣнѣ. Но на этой четвертушкѣ было написано по итальянски и собственноручно слѣдующее: «Свидѣтельствую симъ, что г. Зани-де-Ферранти—одинъ изъ величайшихъ гитаристовъ, которыхъ когда либо я слышалъ, и который доставилъ мнѣ невыразимое наслажденіе своею чудною, восхитительною игрою». И за тѣмъ подписано: «Nicoło Paganini». Есть чѣмъ гордиться и есть чему позавидовать! На другой день Зани-де-Ферранти отдалъ мнѣ визитъ. Разумѣется, онъ желалъ меня слышать; я сыгралъ ему тоже, что и Камбергеру, и вотъ что услышалъ отъ него по окончаніи моей игры:

— Я думалъ, что вы простой любитель; но вы великій виртуозъ и для васъ нѣтъ учителя. Напрасно вы хотите отыскивать въ Лондонѣ Шульца и Чибру: они ничему васъ не научатъ, а только испортятъ вашу оригинальную игру. Вы создали свою, особенную методу игры, и продолжайте идти тѣмъ же путемъ. Если позволите мнѣ говорить съ вами откровенно, то я сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе о вашей игрѣ: относительно лѣвой руки я пожалуй не соглашусь съ вами насчетъ нѣкоторыхъ позицій, которыя у меня совершенно различествуютъ съ вашими: я почти никогда не беру открытыхъ нотъ. Но что касается до вашей правой руки, то это верхъ совершенства. Никогда и ни у кого не видалъ я подобной правой руки.

Надо сказать, что съ самаго начала серьезнаго изученія мною гитары я понялъ, что главное зависитъ отъ правой руки; тѣмъ болѣе, что лѣвая у меня была уже подготовлена прежнею моею игрою на скрипкѣ. Я сейчасъ же понялъ, что сила, бѣглость, отчетливость и особенно нѣжность, мягкость и такъ называемый стиль игры зависятъ наиболѣе отъ правой руки, и потому съ особенною заботливостію и настойчивостію занялся я воспитаніемъ этой руки, изобрѣтая для того разныя механическія формулы и постоянно употребляя метрономъ,—этотъ нан-

лучшій учитель, съ помощію котораго можно побѣдять наивѣличайшія механическія трудности и пріобрѣсть и бѣглость, и отчетливость, не сбивая, не утомляя рукъ. Я даже изобрѣлъ маленькую карманную гитарку, т. е. дощечку, на которой навязаны были три терціи, для развитія силы въ пальцахъ правой руки и особенно въ безымянномъ пальцѣ, который всегда слабѣе прочихъ. Только съ помощію этой гитарки и метронома могъ я пріобрѣсть трель, какой не было и нѣтъ ни у одного гитариста, и еще то громовое «crescendo» и замирающее «*morendo*», которымъ многіе отдали наконецъ должную справедливость.

Сужденіе Зани-де-Ферранти о моей игрѣ имѣло уже большое значеніе въ моихъ глазахъ, потому что оно имѣло несравненно болѣе авторитета, чѣмъ сужденіе Камбергера. Я оживалъ, слушая его, и сомнѣніе, которое уже давно и постоянно обитало въ моемъ умѣ, начало понемногу давать мѣсто возрождавшейся надеждѣ. Промедля три дня въ Брюсселѣ, мы поѣхали въ Лондонъ черезъ Остенде. Переѣздъ на пароходѣ, который былъ биткомъ набитъ пассажирами, совершался ночью и въ самую бурную погоду. Едва успѣли отвалить отъ берега, какъ сейчасъ же всѣхъ укачало. Я всю ночь за-мертво пролежалъ на палубѣ, несмотря на дождь и сильнѣйшій вѣтеръ, закутавшись въ широкій плащъ. Чувствовалъ иногда, что на меня падали другіе пассажиры, которымъ удавалось выкарабкаться наверхъ изъ душной каюты. Рано утромъ вошли мы въ Темзу; дождь и вѣтеръ прекратились, а вмѣстѣ съ ними и морская болѣзнь. Я всталъ на ноги; но и я, и всѣ пассажиры были въ страшномъ безпорядкѣ,—даже дамы, въ которыхъ морская болѣзнь убиваетъ,—на время, разумѣется, — всякое кокетство, малѣйшую мысль о томъ, могутъ или не могутъ онѣ нравиться.

Итакъ, я въ Лондонѣ, куда стремился съ величайшимъ нетерпѣніемъ не столько для того, чтобы посмотреть на выставку, сколько для того, чтобы познакомиться съ Шульцемъ, о которомъ писалъ мнѣ Штауферъ. Мы остановились въ самой лучшей части города, близъ «Тафальгарской площади», въ улицѣ «Spring gardens», въ домѣ примыкавшемъ къ «зеленому парку». Изъ таможни, гдѣ продержали насъ часа два, какой-то факторъ привезъ насъ въ этотъ домъ, одинъ изъ нанятыхъ и устроенныхъ обществомъ «L'Argévoys» для пріѣзжавшихъ на лондонскую выставку. Намъ дали печатную программу; въ ней распре-

дѣлена была цѣлая недѣля пребыванія въ Лондонѣ такъ, что въ каждомъ изъ семи дней назначалось то, что слѣдовало обозрѣвать и утромъ до обѣда, и вечеромъ послѣ обѣда. Это было чрезвычайно удобно и избавляло насъ отъ всякихъ заботъ и хлопотъ, потому что насъ всюду водилъ и возилъ нашъ хозяинъ, Sir Henri Bennet, очень умный, образованный и любезный англичанинъ, который превосходно говорилъ по-французски и самъ бывалъ не одинъ разъ въ Парижѣ. Онъ очень толково и умно знакомилъ насъ съ обычаями и правами своихъ соотечественниковъ и объяснялъ намъ многое, что безъ его помощи, осталось бы для насъ непонятнымъ или даже незамѣченнымъ.

Измученные ужасною ночью, мы въ день пріѣзда въ Лондонъ никуда не выходили изъ квартиры и отдыхали. На другой день утромъ, сейчасъ послѣ завтрака, первый мой выходъ былъ въ одинъ изъ музыкальных магазиновъ, чтобы узнать адресъ Шульца. Но ни въ одномъ не могли мнѣ дать этого адреса, а отправили меня за нимъ къ брату Шульца, піанисту герцога Девонширскаго, который жилъ не далеко отъ Трафальгарской площади и котораго засталъ я дома.

— Позвольте узнать у васъ адресъ вашего брата, сказалъ я, входя въ комнату къ Шульцу піанисту.

— Леопарда? Я три года его не видалъ.

— Я русскій, страстный любитель гитары, и пріѣхалъ въ Лондонъ нарочно для вашего брата.

— А, понимаю! Но, къ большому моему сожалѣнію, я не могу сообщить вамъ его адреса. Братъ мой—величайшій талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первѣйшій кутила и мотъ Лондона, не слушаетъ моихъ совѣтовъ и потому мы три года какъ ни видимъ другъ друга. Обратитесь къ его портному, Келлеру, который живетъ въ двухъ шагахъ отъ меня и вѣроятно знаетъ адресъ моего брата.

Въ ту же минуту зашелъ я къ Келлеру, забывъ и выставку, и всѣ прочіе чудеса Лондона, для обозрѣнія которыхъ ожидали меня мой шуринъ, хозяинъ дома—нашъ чичероне и одинъ швейцарецъ, пріѣхавшій вмѣстѣ и остановившійся въ одномъ домѣ съ нами. Это былъ профессоръ изъ бернскаго университета, добрый малый, умный, добродушный, постоянно веселый и смѣющийся.

— Знаете вы Леонарда Шульца, спросилъ я у Келлера, угрюмаго, непривѣтливаго нѣмца, который однако же, хотя и плохо, но говорилъ по-французски.

— Знаю.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Лондонѣ.

— Адресъ его квартиры?

— На что вамъ?

— Я русскій, страстно люблю гитару, и пріѣхалъ изъ Москвы въ Лондонъ нарочно для того, чтобы познакомиться съ г-нъ Шульцемъ и слышать его игру.

Угрюмый нѣмецъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и сказалъ:

— Онъ живетъ очень далеко отсюда.

— Ничего не значить: я готовъ ѣхать всюду, какъ бы это далеко ни было, чтобы только узнать и услышать г-на Шульца.

— Но его трудно застать дома.

— Напишите къ нему, что я буду ждать его къ себѣ; вотъ мой адресъ.

Нѣмецъ задумался; и потомъ еще разъ осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, сказалъ сквозь зубы:

— Хорошо, я напишу къ нему, но не обещаю вамъ успѣха въ желаніи видѣть г-на Шульца: это такъ трудно. Впрочемъ заходите ко мнѣ за отвѣтомъ завтра объ эту пору.

Я вышелъ отъ Келлера, пораженный этою таинственностію, за которою скрывался Шульцъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ въ долгу, какъ въ шелку, прятался отъ своихъ кредиторовъ и, разумѣется, отъ тюрьмы за долги; и потому съ величайшими предосторожностями, и только послѣ многихъ предварительныхъ распросовъ и развѣдываній, соглашался онъ на свиданіе съ поклонниками своего таланта. Сейчасъ же по возвращеніи моемъ съ розыска о Шульцѣ, мы отправились на выставку. Четыре часа употребили мы на это первое посѣщеніе, и только успѣли объѣхать всѣ отдѣленія и галлерей этого необъятнаго дворца чудесъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Хотя бы могъ я много интереснаго поразсказать о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ продолженіе семи дней моего пребыванія въ Лондонѣ, руководствуясь моимъ дневникомъ, но это много возьметъ времени и мѣста, и потому я ограничусь одною музыкальною частію моего разсказа.

Всякій день заходилъ я къ Келлеру, и все напрасно: отвѣта отъ Шульца не было. Наконецъ черезъ пять дней послѣ приѣзда моего въ Лондонъ, получилъ я утромъ слѣдующую лаконическую записку: «сегодня въ 8 часовъ вечера г. Шульцъ явится къ г. Макарову». Натурально я отказался ѣхать послѣ обѣда съ моими спутниками осматривать зоологическій садъ и потомъ въ воксалъ, какъ это значилось въ программѣ, и остался дома. Да и отъ чего бы я не отказался тогда, чтобы только увидѣть и услышать Шульца? Едва ли пылкій и страстный юноша ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ свою возлюбленную, во время перваго назначеннаго ему свиданія, нежели какъ я ожидалъ прихода ко мнѣ великаго гитариста, свиданіе съ которымъ составляло предметъ моихъ задушевныхъ думъ, желаній и стремленій, въ продолженіе полутора года.

Ровно въ 8 часовъ раздался колокольчикъ и черезъ минуту вошелъ ко мнѣ Шульцъ. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати шести, высокаго и стройнаго роста, очень пріятной наружности, съ прекрасными манерами, одѣтый безукоризненно, похожій болѣе на англичанина, чѣмъ на нѣмца; — онъ былъ родомъ изъ Вѣны, но уже двадцать лѣтъ, какъ безвыѣздно жилъ въ Лондонѣ. Я не помнилъ себя отъ радости; сердце билось во мнѣ такъ же сильно, какъ и тогда, когда я дѣлалъ мои признанія въ любви. Я не зналъ, съ чего и какъ начать съ нимъ мой разговоръ. По счастью оказалось, что Шульцъ довольно хорошо объяснялся по-французски, и онъ самъ заговорилъ со мною и сталъ извиняться въ томъ, что такъ долго заставилъ ждать себя. Мы усѣлись. Я вкратцѣ разсказалъ ему исторію моей страсти къ гитарѣ и тѣхъ надеждъ и сомнѣній въ музыкальномъ успѣхѣ, которыя давно уже боролись во мнѣ, попеременно одерживая верхъ одинъ надъ другимъ. Шульцъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ. Потомъ я подалъ ему мою гитару, которую нашелъ онъ превосходною и много лучшею, нежели его гитара, шести-струнная и сдѣланная въ Лондонѣ. Безъ малѣйшихъ отговорокъ и жеманства онъ началъ играть, хотя и затрудняли его двѣ лишнія струны, къ которымъ онъ не привыкъ. Много пьесъ, все своего сочиненія, проигралъ онъ мнѣ и привелъ меня въ неописанный восторгъ, въ какое-то опьяненіе. Въ его игрѣ было все: и необычайная бѣглость, и отчетливость, и сила, и нѣжность, и одушевленіе, и вкусъ, и блескъ, и выраженіе, и новые, поразительные эффекты, и широкій стиль. А сверхъ этого видѣ-

на была у него необыкновенная увѣренность въ самомъ себѣ, такъ что, казалось, онъ игралъ шутя, нисколько не замѣчая страшныхъ трудностей, какими изобиловали играемыя имъ пьесы. Между этими пьесами меня особенно очаровали своею прелестію: «Gabriellen-Valse» «Valse Autrichienne» и «Rondo Savoyard».

Я спросилъ Шульца, могу ли я гдѣ достать эти три его сочиненія. Онъ отвѣчалъ, что они еще не изданы, но что онъ завтра же принесетъ ихъ мнѣ въ манускриптахъ. Я просилъ его принести еще и своихъ печатныхъ сочиненій, какъ можно болѣе. Наконецъ дошла очередь и до меня. Шульцъ передалъ мнѣ гитару и просилъ познакомить его съ моею игрою. Съ сильнымъ волненіемъ положилъ я гитару на свою лѣвую ногу, прижалъ ее къ своей груди и мысленно сказалъ ей: «не измѣни мнѣ, не выдай меня, родная!» Взявъ нѣсколько аккордовъ, я началъ «3 концертъ Джуліани» и съигралъ его отъ доски до доски, съ отчетливостію и съ выдержанностію, какихъ я не ожидалъ отъ себя. На лицѣ Шульца изобразилось сперва удивленіе, а потомъ удовольствіе, которое выразилъ онъ мнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Послѣ концерта съигралъ я увертюру изъ «Вильгельма Телля,» которую довольно удачно аранжировалъ для гитары извѣстный когда-то гитаристъ Ленъянн. Исполненіе этой пьесы тоже заслужило полное одобреніе Шульца. Потомъ игралъ я свою «мазурку», «большую 4 фантазію,» нѣсколько русскихъ пѣсень изъ моихъ «попури» и наконецъ 2-ю, т. е. «симфоническую фантазію». Когда я окончилъ эту послѣднюю пьесу, исполненную мною такъ, какъ я рѣдко исполнялъ ее, Шульцъ всталъ, обнялъ, разцаловалъ меня и сказалъ:

— Я играю на гитарѣ тридцать лѣтъ, т. е. съ шести-лѣтняго возраста, когда началъ учить меня мой отецъ, замѣчательный въ свое время гитаристъ. Но откровенно признаюсь вамъ, что и не въ состояніи съиграть эту пьесу. И ни одинъ изъ всѣхъ существующихъ теперь извѣстныхъ гитаристовъ не въ силахъ разыграть ее въ концертѣ. Въ Парижѣ или въ Вѣнѣ васъ сейчасъ же провозгласили бы первымъ въ мірѣ гитаристомъ.

О, какъ отрадно, чудно звучали въ моихъ ушахъ и отзывались въ моей душѣ эти слова, произнесенныя тономъ самаго глубокаго убѣжденія! И я невольно повторилъ въ своемъ умѣ извѣстное изреченіе: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ».

До часу за-полночь просидѣлъ у меня Шульцъ, и я не замѣтилъ, какъ прошли эти пять часовъ. На другой день онъ снова явился ко мнѣ въ 8 часовъ вечера и принесъ цѣлую кипу своихъ печатныхъ сочиненій и еще три манускрипта, о которыхъ просилъ я его наканунѣ. Я выбралъ пьесъ пятнадцать, которыя онъ предварительно съигралъ мнѣ, и заплатилъ за нихъ по пролажной цѣнѣ, кромѣ манускриптовъ, за которые далъ я вдесятеро дороже, нежели за печатныя пьесы. Но пора проститься и съ Шульцемъ и съ Лондономъ. Однако же я прежде долженъ разсказать курьезный случай, по поводу покупки сочиненій Шульца. Въ первый свой визитъ онъ съигралъ мнѣ одну восхитительную польку, и я спросилъ его:

— Издава ли она?

— Да, отвѣчалъ Шульцъ: — но только она не такъ хороша въ печати, прибавилъ онъ, немного заминаясь.

— Какъ это?

— Да такъ: когда я издаю свои сочиненія, то нѣкоторые изъ нихъ *передѣлываю для....* того, чтобы онѣ не были очень трудны.

— Но не вздумайте также передѣлать и тѣ манускрипты, о которыхъ я просилъ васъ.

— О, нѣтъ! Я напишу ихъ такъ, какъ играю самъ.

И что же? Когда потомъ, пріѣхавъ въ Парижъ, я принялся разбирать эти манускрипты, то нашелъ, что они вовсе негодны для игры: до того дурно были они аранжированы для гитары, или въриѣ—нарочно испорчены: и басы, и позиціи, и ходъ мелодіи, и цѣлые пассажи были такъ неловки, неудобовосполнимы, что я пробоваъ, пробоваъ и наконецъ вовсе бросилъ эти пьесы, хотя онѣ далеко не были такъ трудны, какъ мои собственные, — и тогда какъ я переигралъ на гитарѣ несмѣтное число сочиненій всевозможныхъ стилей и композиторовъ. Печатныя пьесы Шульца тоже были интересны только тогда, когда исполнялись имъ самимъ; а иначе не возбуждали ни малѣйшаго желанія разучивать ихъ. По возвращеніи моемъ въ Россію, я однако же разучилъ три изъ его печатныхъ сочиненій. Однимъ словомъ—какъ исполнитель, Шульцъ оказался великимъ виртуозомъ; но какъ композиторъ—ничтожнымъ. Какая необъятная разница въ этомъ отношеніи была между имъ и Мерцемъ, манускрипты котораго, находящіеся въ моемъ исключительномъ владѣніи, составляютъ драгоценныя перлы гитарнаго репертуара.

Наслушавшись вдоволь Шульца, я уже не сталъ отыскивать въ Лондонѣ Ригонди и Чибру, двухъ первоклассныхъ гитаристовъ, о которыхъ говорили мнѣ въ Германіи. Послѣдній прѣзжалъ потомъ на мой конкурсъ въ Брюссель. Пробывши въ Лондонѣ ровно недѣлю, мы возвратились на твердую землю тоже черезъ Остенде. Но хотя погода была прекрасная, ясная и тихая, насъ все-таки укачало, потому что на океанѣ всегда бываетъ какая-то зыбь. Шуринъ мой поѣхалъ изъ Остенде въ Парижъ, а я—въ Швальбахъ, гдѣ ожидали меня ласки дорогихъ моему сердцу жены и дочери. Курсъ лѣченія ихъ водами окончился, и мы 1 сентября простились съ Швальбахомъ, который былъ еще много скучнѣе Крейцнаха. Мы отправились въ Парижъ черезъ Страсбургъ, гдѣ я слазилъ на знаменитую колокольню. 5-го въ полдень прибыли мы наконецъ въ Парижъ. Мы остановились сперва на «Итальянскомъ бульварѣ, въ Hôtel de Bade»; но черезъ нѣсколько дней я нанялъ отличную меблированную квартиру въ улицѣ «Chaussée d'Antin», куда мы и перѣехали.

Четыре съ половиною мѣсяца прожилъ я въ Парижѣ, гдѣ былъ свидѣтелемъ переворота 2 декабря и многихъ другихъ весьма любопытныхъ событій. Но ничего не описываю для того, чтобы поскорѣе окончить мое путешествіе, а потомъ добраться и до конца моей исповѣди, которая уже сильно утомила меня самого. Здоровье Софи мало поправилось. Она и въ Парижѣ постоянно лѣчилась, пила «вѣнскія воды» и брала ванны. Грустные и бурныя семейныя сцены передъ свадьбою, и потомъ злобщія событія и потрясенія въ В....ѣ навсегда разстроили, сокрушили эту нѣжную, хрупкую организацію. Поэтому очень немного было у меня совершенно ясныхъ, безоблачныхъ дней во время четырнадцатимѣсячнаго путешествія моего за границею.

Въ Парижѣ познакомился я съ двумя гитаристами. Это были: Каркасси, извѣстный и у насъ въ Россіи, — любителямъ гитары разумеется, — своими легонькими и жиденькими сочиненіями, и Наполеонъ Кость, ученикъ знаменитаго Сора и издатель его сочиненій. Съ послѣднимъ я сошелся очень близко. Это былъ умный и любезный французъ, скромный и самый страстный и безкорыстный обожатель гитары. Онъ часто бывалъ у меня, и мы играли съ нимъ въ двѣ гитары разныя сочиненія Сора. Въ игрѣ его было много отчетливости, чистоты, нѣжности и вкуса; но

она была холодна и неспособна увлечь и расшевелить васъ, какъ игра Шульца или даже Зани-де-Ферранти.

Въ половинѣ января 1852 года оставили мы Парижъ и поѣхали въ Италію черезъ Ліонъ и Марсель. Сперва посѣтили мы Ниццу, Геную; потомъ — оттуда поѣхали въ Ливорно, во Флоренцію, въ Римъ; изъ Рима проѣхали мы въ Неаполь, куда прибыли 15 февраля и остановились въ «Hôtel de commerce», напротивъ театра Фіорентино и въ двухъ шагахъ отъ «Толедо», главной улицы въ Неаполѣ.

Софи и здѣсь продолжала лѣчиться и брала ванны морской воды. Часто дѣлали мы прогулки по окрестностямъ Неаполя и обозрѣли все, что было любопытнаго, въ томъ числѣ Геркуланумъ и Помпею. Жизнь въ Неаполѣ чрезвычайно дешева. Но что непріятно поражало меня и здѣсь и почти во всей Италіи, по-ажало, какъ страстнаго поклонника музыки, это—отсутствіе хорошей, серьезной музыки. Кромѣ оперы, съ третьестепенными пѣвцами и пѣвицами и съ безконечными балаганными балетами,—нигдѣ ни квартетовъ, ни дуэтовъ, ни малѣйшаго проявленія меломанства, какъ напримѣръ въ Германіи, гдѣ въ большихъ городахъ вы не всякомъ шагу — въ ресторанахъ, въ кафе, на гуляньяхъ, на улицахъ, вездѣ и всегда можете слушать музыку, иногда очень и очень порядочно исполняемую. Вздумалъ—было я разузнать, нѣтъ ли въ Неаполѣ хорошаго гитариста, и для этого обратился въ музыкальные магазины. «Имѣется, отвѣчали мнѣ, — отличный гитаристъ, *первый сортъ*, нѣкто Іорданъ». Черезъ два дня послѣ того является ко мнѣ самая непрезентабельная фигура, у которой шея была обмотана полинявшимъ шарфомъ. Это былъ Іорданъ, неаполитанскій гитаристъ «перваго сорта». И вотъ подавъ я ему мою гитару. Съ необыкновенною увѣренностію и самодовольною улыбкою усѣлся онъ, ударилъ по струнамъ и пошелъ «валить» какую-то польку, потомъ еще что-то, и еще и еще, не дожидая, чтобы его просили.... О, Боже! что это была за музыка, и особенно — что за исполненіе! Самый первый сортъ «спизу!» Дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ладахъ; чистоты, отчетливости и вкуса не было и въ поминѣ; при этомъ страшныя гримасы и какое-то захлебыванье ртомъ, которое, вѣроятно, исправляло должность выраженія въ его игрѣ. Угостилъ меня, варваръ!... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался гораздо осторожнѣе при отыскиваніи гитаристовъ «перваго сорта».

Но пора проститься и съ Неаполемъ, какъ ни интересенъ этотъ городъ.... Марта 23-го выѣхали мы изъ Неаполя на французскомъ почтовомъ пароходѣ и послѣ трехдневнаго и самаго покойнаго плаванія прибыли въ Геную. Того же дня отправились оттуда въ Миланъ, потомъ въ Венецію, гдѣ встрѣтили мы Пасху въ греческой церквѣ, въ которой гнусливое церковное пѣніе не восхитило насъ. Изъ города дождей, направились мы черезъ Триэсто въ Лейбахъ, осмотрѣвъ, по дорогѣ, обширнѣйшіе въ мірѣ сталактитовые гроты съ подземною рѣкою близъ Аденсберга. Наконецъ 4 апрѣля приѣхали мы въ Вѣну, гдѣ остановились въ гостинницѣ «Wilde-тапп» и куда влекло меня какое-то особенное, необъяснимое чувство. И это чувство меня не обмануло, потому что я нашелъ въ Вѣнѣ то, чего нигдѣ не находилъ, — въ музыкальномъ отношеніи, разумѣется. Во-первыхъ, я нашелъ удивительнаго мастера, который одинъ, самъ собою, усовершенствовалъ, пересоздалъ гитару. Инструменты его работы, начиная съ 1852 года, обладаютъ такою необыкновенною силою и вмѣстѣ нѣжностію и пѣвучестію, что гитары всѣхъ прочихъ мастеровъ кажутся лукошками, въ сравненіи съ гитарами Шерцера. Во-вторыхъ, я нашелъ величайшаго композитора современной гитарной музыки. Встрѣча и знакомство мое съ нимъ имѣли огромное и самое благотворительное вліяніе на мою музыкальную судьбу. Его превосходныя сочиненія принесли гораздо болѣе пользы моему таланту, чѣмъ превосходная игра всѣхъ прочихъ извѣстныхъ и слышанныхъ мною гитаристовъ. Эти задушевные и вмѣстѣ блистательныя сочиненія произвели полный переворотъ въ моей игрѣ: сдѣлали ее несравненно нѣжнѣе, выразительнѣе, законченнѣе; однимъ словомъ — сформировали у меня окончательно стиль, котораго нѣтъ и признаковъ въ игрѣ большей части, — если только не у всѣхъ, — гитаристовъ по ремеслу и любителей. Пожалуй, если хотите, я согласенъ въ томъ, что въ игрѣ многихъ изъ нихъ есть и бѣглость, и чистота, и пріятность, и отчетливость, и нѣжность; да только это игра не рельефная, а плоская, вялая, блѣдная, которая пріятно щекочетъ уши, но не западетъ глубоко въ душу, не расшевелитъ, не вскипятитъ ее.... Это игра безъ оттѣнковъ, безъ этого высшаго искусства, или, вѣрнѣе, музыкальнаго инстинкта, посредствомъ котораго понимается и истолковывается не одна буква, но и душа исполняемаго сочиненія, разумѣется, если сочиненіе это принадлежитъ талантливому ком-

позитору; потому что въ нынѣшнюю промышленную и довольно повыдохшуюся для музыки эпоху появляется для всѣхъ инструментовъ бездна композицій, съ чрезвычайно-замысловатыми и трескучими заглавіями, но изъ которыхъ не только самыми могучими пальцами, да и гидравлическимъ прессомъ не выжмешь души и смысла. При «сей вѣрной оказіи» я хочу высказать нѣкоторыя задушевные мои убѣжденія и вызвать нѣкоторыя воспоминанія изъ давно-прошедшаго.

Изъ огромной массы гитаристовъ и любителей этого скромнаго инструмента, которыхъ удалось мнѣ слышать во время длиннаго періода моей гитароманіи, вотъ тѣ немногіе, которые произвели на меня сильное впечатлѣніе: Зани-да-Ферранти, Шульцъ, испанецъ Чибра и еще.... Но это еще принадлежитъ къ древней исторіи моей музыкальной жизни, и я расскажу его подробнѣе, потому-что оно имѣло самое рѣшительное вліяніе на возраставшее пристрастіе мое къ гитарѣ.

Это было въ октябрѣ 1837 года. Разставшись, вскорѣ послѣ свадьбы, съ моего первою женою, я пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ для того, чтобы перемѣнить свой военный костюмъ и изъ пѣхотнаго гвардейскаго переодѣться въ армейскій кавалерійскій мундиръ. Я стоялъ на Тверской, въ гостиницѣ Яковлева. Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ я досталъ свою гитару, довольно плохонькую, началъ играть и, между прочимъ, сыгралъ первую часть «третьяго концерта Джуліани», который я игралъ уже въ то время довольно сносно, хотя я и называю теперь всю тогдашнюю мою игру — «царапаньемъ». Когда я пересталъ играть, то услышалъ въ сосѣднемъ номерѣ говорящихъ вполголоса. Сколько я могъ разслышать, дѣло шло о гитарѣ и, кажется, о моей игрѣ. Вскорѣ послѣ этого раздались и звуки гитары; кто-то за стѣною началъ играть, и игралъ превосходно, какъ я никогда еще не слыхалъ до тѣхъ поръ. Я весь превратился въ слухъ и меня начала бить лихорадка удивленія и восторга. Никогда не забуду я того глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, которое произвела тогда на меня игра на гитарѣ въ сосѣднемъ номерѣ. Въ этой игрѣ были и сила, и необычайная бѣглость, и безукоризненная отчетливость, и нѣжность, и выраженіе, и глубокое чувство. Что за «crescendo» и что за «morendo»! Однимъ словомъ, тутъ было все, къ чему я потомъ стремился и что пріобрѣлъ только много лѣтъ спустя, послѣ самыхъ настойчивыхъ упражненій и усилій, и то не пре-

жде, какъ познакомившись съ Мерцомъ и по приобрѣтеніи мною его драгоцѣнныхъ манускриптовъ.

Едва кончилась игра за стѣною, какъ я послалъ моего человека узнать, кто былъ мой сосѣдъ. Оказалось, что это былъ тульскій помѣщикъ Павелъ Александровичъ Да—женскій. Я сейчасъ же отправился къ нему и отрекомендовался. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ со мною и охотно сообщилъ мнѣ нѣсколько подробностей о себѣ. Игралъ онъ на семиструнной гитарѣ и былъ однимъ изъ учениковъ Сихры, когда этотъ послѣдній пользовался большою извѣстностію въ цѣлой Россіи. Прослужа резонный срокъ въ гвардіи, Павелъ Александровичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ тульскомъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, но не бросая и своего любимаго инструмента. Я провелъ у него весь вечеръ. Онъ игралъ много и все такъ же очаровательно. Обаяніе его игры на меня было такъ велико, что я тутъ же объявилъ, что намѣренъ перейти отъ шести — къ семиструнной гитарѣ. Но Павелъ Александровичъ былъ такъ добросовѣстенъ и безпристрастенъ, что сказалъ мнѣ:

— Напрасно. Не совѣтую вамъ бросать шестиструнную гитару, которая имѣетъ огромныя достоинства и преимущества передъ нашею семиструнною, тѣмъ болѣе, что вы обладаете замѣчательнымъ талантомъ и уже очень развитымъ механизмомъ. Продолжайте же заниматься, работайте безъ усталы и не унывайте, если въ началѣ и встрѣтите неудачи. Только однимъ терпѣніемъ и настойчивостію, независимо отъ врожденнаго таланта, можно дойти до чего-нибудь и сдѣлаться истиннымъ артистомъ.

Я отъ души благодарилъ его за эти дѣльные и умные совѣты, которые глубоко запали мнѣ въ душу и которыми я впоследствии воспользовался. Но искренно сожалею, что самъ онъ впоследствии не сдѣлалъ того, что совѣтовалъ мнѣ.... Онъ опочилъ на лаврахъ.... Встрѣча эта рѣшила тогда мою музыкальную судьбу, и если я играю, и играю порядочно на гитарѣ, главный виновникъ того—Павелъ Александровичъ Да—женскій, съ которымъ я впоследствии поддерживалъ знакомство.

ГЛАВА XIII.

ДАЛЕЙШЕЕ ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ЗА ГРАНИЦЕЮ. — МЕРЦЪ, ШЕРЦЕРЪ И ФИШЕРЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

«Où, diable! la vertu va-t-elle se nicher!» (*).
(Изъ французской книги).

Устроившись для житья въ Вѣнѣ, я сейчасъ же отправился къ священнику, состоявшему при нашемъ посольствѣ, человѣку умному, образованному и любезному, который принялъ меня, какъ принималъ всѣхъ русскихъ, т. е. самымъ радушнымъ образомъ. Отъ него я пошелъ отыскивать нѣкоего Ковацика, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Это былъ чиновникъ изъ канцеляріи австрійскаго императора, превосходно знавшій Вѣну, родомъ славянинъ и добрый, услужливѣйшій человѣкъ, который любилъ всѣхъ русскихъ и хорошо говорилъ по-французски, что было очень важно для меня, которому не далась нѣмецкая грамота. Онъ во все время пребыванія нашего въ Вѣнѣ, всякій день являлся къ намъ и былъ чичероне, адъютантомъ, чиновникомъ особыхъ порученій при моемъ семействѣ. На другой же день по пріѣздѣ, я отправился съ нимъ за разными музыкальными справками и розысками. Входимъ въ музыкальный магазинъ Гасслингера.

— Кто лучший гитаристъ въ Вѣнѣ, спросилъ Ковацикъ?

— Мерцъ!

— А кто лучший гитарный мастеръ?

— Фишеръ, гардировщикъ вѣнской консерваторіи.

— Отчего же не Штауферъ?

— Оттого, что Штауферъ еще въ 1848 году пересталъ дѣлать гитары, и въ настоящее время его, кажется, нѣтъ въ Вѣнѣ.

Взявши адреса, мы сейчасъ же вошли въ мастерскую Фишера, жившаго въ двухъ шагахъ отъ Гасслингера, въ самой консерваторіи. Насъ встрѣтилъ очень почтенный господинъ лѣтъ за пятьдесятъ; это былъ самъ хозяинъ. Я объяснилъ ему, черезъ посредство Ковацика, что я добиваюсь имѣть сколь возможно лучшую гитару и что для этого не пожалѣю денегъ. Можете ли вы сдѣлать мнѣ отличную гитару?

(*) Куда легкая занесла добродѣль.

— Постараюсь, отвѣчалъ почтенный нѣмецъ.

— Такъ выслушайте же меня со вниманіемъ. Я стою въ гостиницѣ «Wilde-mann»; приходите ко мнѣ хоть завтра утромъ и посмотрите гитару, сдѣланную для меня Штауферомъ. Если вы сработаете мнѣ гитару, хоть немного лучше той, т. е. сильнѣе и пѣвучѣе, я прибавляю, въ видѣ награды, 50% къ той цѣнѣ, какую вы сами назначите за свою гитару. Согласны вы на это условіе?

— Очень согласенъ.

— Итакъ принимайтесь за дѣло и постарайтесь окончить и выслать гитару къ концу іюля въ Берлинъ на мое имя «post-restante». Къ тому времени я буду тамъ, проѣздомъ въ Россію. Если гитара ваша будетъ лучше моей теперешней, вы получите отъ меня за нее награжденіе, какъ сказалъ я выше; если же нелучше или хуже моей, то я заплачу вамъ только назначенную вами цѣну.

Мы вышли отъ Фишера и Ковацкичъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, что Штауферъ здѣсь, и я хорошо помню, гдѣ онъ живетъ: это близехонько отсюда. Пойдемте.

Мы прошли два или три поворота изъ улицы въ улицу и очутились передъ дверью, надъ которою красовалась вывѣска съ изображеніемъ гитары. Но написано было не «Штауферъ», а «Шмидтъ.» Мы вошли. Насъ встрѣтилъ низенькій, толстенькій человѣчекъ съ вопросительнымъ знакомъ на лицѣ.

— Здѣсь была мастерская Штауфера? сказалъ Ковацкичъ.

— Да, отвѣчалъ толстенькій нѣмецъ. Но въ 1848 году Штауферъ передалъ мнѣ свое заведеніе и въ настоящее время живетъ въ Прагѣ. Да на что вамъ нуженъ Штауферъ? сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія Шмидтъ. — Если вамъ хочется имѣть отличную гитару, то это возможно и безъ Штауфера.

Мы съ Ковацкичемъ посмотрѣли на Шмидта, и потомъ другъ на друга и улыбнулись.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Шмидтъ:—я могъ бы предложить себя къ вашимъ услугамъ. Но для того, чтобы имѣть превосходную гитару, надо обратиться къ Шерцеру, бывшему подмастерью Штауфера. Это—великій талантъ и мастеръ своего дѣла, съ которымъ я и думать не смѣю состязаться. Онъ находится теперь въ крайней бѣдности, тогда какъ Штауферъ черезъ его искусство нажилъ себѣ независимое, хорошее состояніе. Адресъ Шерцера—«Margarethen, № 99.»

Мы поблагодарили честнаго Шмидта за совѣтъ и вышли.

— Ну что? спросилъ меня Ковацикъ:—хотите ѣхать къ этому Шерцеру? До него страшная даль. Или удовольствуетесь тѣмъ, что заказали гитару Фишеру.

— Ъдемъ, непременно Ѣдемъ къ Шерцеру; можетъ быть онъ слѣлаетъ гитару много лучше, нежели Фишеръ. Я рѣшился не жалѣть денегъ, чтобы только успѣть въ надеждѣ еще большаго усовершенствованія гитары. Итакъ, надо испробовать всѣ средства.

Мы сѣли въ фіакръ и поѣхали въ отдаленнѣйшее предмѣстье, на самый край Вѣны. Приѣхавъ и отыскавъ квартиру, по данному намъ адресу, мы вошли въ маленькую, но чистенькую и свѣтлую комнату. Насъ встрѣтилъ низенькій, худенькій и смуглый человѣчекъ, но съ лицомъ умнымъ, выразительнымъ и грустнымъ. Это былъ Шерцеръ. Ковацикъ передалъ ему тоже самое, что было сказано Фишеру и прибавилъ, что я—русскій и страстный любитель гитары. Я спросилъ, нельзя ли показать мнѣ хоть одну гитару его работы?

— Я работаю только по заказу и не иначе, какъ получа задатокъ, ибо я такъ бѣденъ, что мнѣ не на что купить дерева. Въ настоящее время заказанныхъ гитаръ у меня нѣтъ. Но вотъ мандолина, которую сдѣлалъ я для графа Ледуховскаго; по ней вы можете судить о чистотѣ моей работы.

Мандолина была изъ палисандроваго дерева и превосходно сдѣлана.

— Вы сказали, что гитара ваша — работы Штауфера; въ которомъ году вы ее получили? спросилъ меня Шерцеръ, какъ будто что-то припоминая себѣ.

— Въ 1849 году, отвѣчалъ я.

— Штауферъ прислалъ вамъ тогда двѣ гитары, окрашенные подъ палисандръ?

— Точно такъ.

— Вы, вѣроятно, г. Макаровъ?

— Я самый; къ вашимъ услугамъ.

— Да вѣдь эти гитары дѣлалъ я — собственными своими руками и въ этой комнатѣ, потому что Штауферъ тогда передалъ свое заведеніе Шмидту. Вотъ вамъ и письмо ко мнѣ Штауфера, жившаго въ то время въ Ольмюцѣ.

И говоря это, Шерцеръ досталъ изъ столика письмо и подалъ его мнѣ. Я передалъ его Ковацки, который точно вычиталъ въ немъ заказъ двухъ гитаръ для меня.

— А сколько заплатилъ вамъ Штауферъ за тѣ гитары?

— По сорока флориновъ (22 рубля) за каждую.

Выписка же этихъ гитаръ черезъ одинъ музыкальный магазинъ въ Петербургѣ обошлась мнѣ по 120 руб. за каждую. А послѣ я узналъ, что Штауферъ взялъ съ магазина за тѣ гитары по 80 флориновъ за каждую, т. е. вдвое болѣе противъ того, что заплатилъ онъ Шерцеру, и почти втрое дешевле того, сколько обошлись онѣ мнѣ. Вотъ какъ богатыютъ и жирѣютъ всѣ торговцы и многія прочія знаменитости, на счетъ истинныхъ, но безвѣстныхъ талантовъ, въ родѣ Шерцера, которые сами едва не умираютъ съ голоду. И грустно, и досадно!...

Мы оставили Шерцера, которому далъ я задатокъ для покупки матеріаловъ и у котораго не было ни подмастерья, ни работника, ни даже ученика; стало быть, онъ работалъ все самъ, своими руками. На другой день, покончивъ дѣло съ гитарными мастерами, я собрался—было къ Мерцу; но онъ предупредилъ меня: узнавъ отъ Фишера и отъ Шерцера о моемъ приѣздѣ въ Вѣну и о желаніи познакомиться съ нимъ, онъ самъ явился ко мнѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, ни худъ, ни полонъ, очень скромный и безъ малѣйшихъ претензій на какое бы то ни было значеніе. Я уже давно зналъ Мерца по множеству его печатныхъ сочиненій и особенно по передѣлкамъ для гитары всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ оперъ.

Но кроиѣ немногихъ его пьесъ, которыя игралъ я, всѣ остальные, въ особенности переложеніе оперъ, были неинтересны, сухи и носили на себѣ явные признаки спекуляціи и страши на скорую руку для того, чтобы поскорѣе удовлетворить любопытство невзыскательныхъ гитарныхъ меломановъ. Сообразивъ все это, я не обѣщалъ себѣ большаго наслажденія отъ игры Мерца. По-французски зналъ онъ столько же, сколько я по-нѣмецки, т. е. очень мало; но жена моя была нашимъ переводчикомъ. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, я усадилъ моего гостя, подалъ ему гитару, и онъ сейчасъ же сыгралъ мнѣ большую пьесу, превосходную, удивительную. Я спросилъ:

— Чья эта пьеса?

— Моя.

— Напечатана она?

— Нѣтъ.

Потомъ Мерцъ сыгралъ мнѣ еще пьесу, и еще, и еще, и все одну другой лучше, восхитительнѣе. Я не могъ опомниться отъ удивленія и сильной радости: я чувствовалъ, что я открывалъ *гитарную Америку*, т. е. великаго гитарнаго композитора, въ существованіе которыхъ я пересталъ уже вѣрить послѣ того, какъ, перешаривъ всѣ музыкальные магазины Москвы, Петербурга и другихъ большихъ иностранныхъ городовъ, я понакупилъ въ разные времена бездну гитарныхъ нотъ. А потомъ перепробовавъ, съ отчаяніемъ въ душѣ побросалъ я весь этотъ негодный музыкальный хламъ, — странню бездарныхъ современныхъ композиторовъ гитарной музыки, какъ напримѣръ: Падовца, Каркасси, Бобровича, Байера, Сусмана, Кюффнера, Петтол... Ну, да опять

«Чтобъ гусей не раздражить».

Въ пьесахъ же, которыя сыгралъ мнѣ Мерцъ и которыя прослушалъ я съ возрастающимъ восторгомъ, было все: богатое содержаніе, основательное знаніе музыки, превосходная разработка и развитіе идей, музыкальное единство, свѣжесть и широта стили, отсутствіе общихъ, избитыхъ мѣстъ, разнообразіе и полнота гармоніи, нисколько не затемнявшей мелодію, которая всегда всплывала надъ волнами арпеджіи и аккордовъ, необыкновенно блестящіе, смѣлые, но не пошлые эффекты, наконецъ глубокое изученіе всѣхъ средствъ и тайнъ гитары. Въ этихъ задушевныхъ сочиненіяхъ особенно отличались интродукціи и финалы по своей развитости и разнообразію, такъ что, отдѣльно взятые, они составляли нѣчто цѣлое, могущее удовлетворить всякаго любителя. И послѣ каждой сыгранной Мерцомъ пьесы я дѣлалъ ему одни и тѣ же вопросы и получалъ одни и тѣ же отвѣты: «не напечатаны».

— Да отчего же вы ихъ не печатаете и лишаете любителей нашего инструмента высокаго наслажденія — играть ваши дивныя сочиненія, оставляя ихъ голодать на безвкусныхъ произведеніяхъ Падовца и Бобровича съ братіей?

— А вотъ почему не печатаю: во-первыхъ, издатели музыки говорятъ мнѣ каждый разъ, когда принесу имъ игранную пьесу: «это очень трудно, надо передѣлать»; а передѣлать — значитъ испортить. Во-вторыхъ, пока эти сочиненія у меня въ портфелѣ, они новы. Но издай я ихъ, и черезъ полгода они сдѣлаются ста-

рыми, да еще въ добавокъ изуродуютъ тѣ несчастные, которые не играютъ на гитарѣ, а параваютъ. А что же я тогда буду играть самъ въ моихъ концертахъ? Не музыку ли Падовца и Бобровича съ компанією, какъ вы сказали?

— Хотите ли вы уступить мнѣ ваши манускрипты?

— Охотно, отвѣчалъ Мерцъ, — и назначилъ мнѣ самую умѣренную цѣну.

Тутъ я рассказалъ ему исторію манускриптовъ Шульца и прибавилъ:

— Не вздумайте и вы, на манеръ Шульца, передѣлывать свои манускрипты для того, чтобы они были «не такъ трудны».

— Сохрани меня Боже отъ этого! Я слишкомъ уважаю и себя и васъ, и потому переписишу для васъ—нотка въ нотку, такъ, какъ самъ играю.

И онъ сдержалъ слово: недѣлю спустя, онъ принесъ мнѣ манускрипты пяти своихъ сочиненій. Они переписаны были съ величайшею точностію, даже съ подробнѣйшимъ обозначеніемъ «дуатэ». Но пора сказать нѣсколько словъ о самой игрѣ Мерца. Какъ исполнитель, это безспорно былъ лучший изъ всѣхъ нѣмецкихъ гитаристовъ, которыхъ я слышалъ за границею. Въ игрѣ его было много силы, энергіи, чувства, отчетливости, выраженія и увѣренности. Но въ ней находились и недостатки нѣмецкой школы, а именно: порою слышался дребезгъ на басахъ; нѣкоторые быстрые пассажи не всегда выходили чистыми. Особенно въ отдѣлкѣ и круглотѣ музыкальных фразъ и періодовъ, и въ нѣжности, мягкости и пѣвучести тона онъ далеко уступалъ Зени-де-Ферранти и Шульцу, — и, какъ исполнитель, былъ несравненно ниже послѣдняго. За то, какъ композиторъ, стоялъ необъятно выше его и по вдохновенію, и по оригинальности, и по знанію музыки вообще, а свойствъ гитары въ особенности.

Черезъ нѣсколько дней я отдалъ визитъ Мерцу. Онъ сыгралъ мнѣ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, написанныхъ для гитары и фортепьяно, на которомъ играла его жена, очень хорошая піанистка. Гитара у Мерца была о десяти струнахъ. Но такъ какъ десятая струна была басъ *contre La*, который нашелъ я совершенно лишнимъ, потому что достаточно было одного баса *La*, открытаго въ шестиструнной гитарѣ, то я велѣлъ Фишеру и Шерцеру дѣлать для меня гитары о девяти струнахъ. Гораздо необходимѣе былъ бы басъ *contre Sol*, но онъ оказался невозможнымъ по причинѣ неясности звука такой

низкой ноты. И только черезъ полгода, по возвращеніи моемъ въ Россію разрѣшилъ я эту трудность тѣмъ, что прибавивъ десятую струну, сдѣлалъ изъ нея открытый басъ Sol, который чрезвычайно обогатилъ гитару, пополнивъ собою три тона (гаммы), а именно: Do, Sol и Re, и придавъ имъ открытыя доминанту, тонику и поддоминанту, что чрезвычайно облегчило игру на гитарѣ и увеличило ея гармоническія средства. Да еще прежде, въ 1840 году, будучи въ Петербургѣ, я сдѣлалъ важное улучшение: предложилъ гитарному мастеру удлинить грифъ и довести его до двухъ полныхъ октавъ, черезъ что прибавилось у гитары пять полутоновъ. Это улучшение было впоследствии принято Штауферомъ и потомъ Шерцеромъ. Но пора проститься съ Мерцомъ, Шерцеромъ и Вѣною и ѣхать далѣе.

Слишкомъ три недѣли прожили мы въ Вѣнѣ, которая очень понравилась намъ и оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. Не терплю я Австрію, но Вѣна имѣетъ въ себѣ что-то обаятельное: просто, бывало, выйдешь на улицу—и уже весело, легко на сердцѣ. И какая разниа въ этомъ отношеніи съ Берлиномъ! Берлинъ такъ обширенъ, такъ правильно выстроенъ, на его широкихъ, прямыхъ улицахъ постоянно движется оживленная толпа, — между тѣмъ въ Берлинѣ тоска! А сколько красавицъ въ Вѣнѣ! И какъ онѣ любезны, милы и общительны, особенно съ иностранцами! А какъ дешевы жизнь и общественныя удовольствія въ Вѣнѣ! Приведу въ доказательство тому слѣдующій примѣръ изъ моихъ воспоминаній.

Однажды собралось насъ русскихъ два семейства, всего пять человѣкъ, и мы поѣхали въ Шёнбруннъ. Осмотрѣвъ дворецъ съ многочисленными портретами Маріи-Терезіи и ея семейства, мы вошли въ воксалъ, гдѣ игралъ превосходный оркестръ Фарбаха. Мы усѣлись за отдѣльнымъ круглымъ столомъ и спросили обѣдъ, состоявшій изъ девяти блюдъ. Выпили мы еще двѣ бутылки краснаго вина, бутылку шампанскаго. Потомъ пили кофе, ѣли мороженое. Этотъ прекрасный обѣдъ и со всѣми прибавленіями обошелся по два флорина и пятьдесятъ крейцеровъ (по 1 р. 50 коп.) съ человѣка. Входъ въ воксалъ стоилъ 12, да мѣсто въ крытой коляскѣ стояло взадъ и впередъ 34 крейцера. Итого, вся эта поѣздка стоила намъ по 1 руб. 80 коп. съ cadaго. Не угодно ли попробовать провести такой пріятный день у насъ въ Петербургѣ или Москвѣ? Во первыхъ, это невозможно по неимѣнію тѣхъ элементовъ удовольствій,

какія есть за границею вообще, а въ Вѣнѣ въ особенности; во вторыхъ, самая скромная прогулка въ одномъ изъ нашихъ увеселительныхъ лѣтнихъ мѣстъ, съ плохимъ чаемъ, съ рюмкою «Свѣтланы» или «Шведской водки», да съ плохимъ бифштексомъ, обойдется вамъ гораздо дороже, нежели обошелся намъ въ Вѣнѣ нѣбольшой день, проведенный нѣпріятнѣйшимъ образомъ.

28-го апрѣля выѣхали мы въ Прагу, гдѣ я не преминулъ отыскать Штауфера и познакомиться съ нимъ. Изъ Праги поѣхали мы въ Дрезденъ, Лейпцигъ и потомъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь пробыли мы девять дней, сдѣлавъ множество разныхъ заказовъ бѣлья и платья къ отъѣзду нашему въ Россію. Потомъ снова поѣхали мы въ Крейцнахъ, чтобы повторить наше общее лѣченіе водами. Такъ какъ я началъ и поэтому окончилъ свое лѣченіе ранѣе моего семейства, то, оставя его въ Крейцнахѣ, самъ совершилъ небольшое, но интересное путешествіе по Швейцаріи....

13 іюля возвратился я въ Крейцнахъ изъ моего путешествія по Швейцаріи; а черезъ три дня послѣ того, мы уже оставили эти воды, которыя не принесли большой пользы ни мнѣ, ни женѣ моей. Но, благодаря лучшему климату, она чувствовала себя крѣпче, нежели годъ тому назадъ. Пребываніе въ чужихъ краяхъ помогло ей, но ненадолго. Послѣдній актъ драмы приближался, и дни Софи были уже сочтены.

Для возвращенія въ Россію мы черезъ Франкфуртъ поѣхали въ Берлинъ, куда прибыли 19-го. На другой же день я самъ отправился на таможеню за гитарами, о высылкѣ которыхъ меня уже уведомили изъ Вѣны Фишеръ и Шерцеръ. Съ нетерпѣніемъ возвращался я изъ таможни, везя съ собою двѣ новыя гитары. Первая, которую досталъ я изъ крѣпко-заколоченнаго гвоздями ящика, была гитара работы Фишера. Отдѣлка превосходная; но тономъ она была много ниже бывшей у меня. Итакъ одинъ вопросъ рѣшенъ: Фишеръ—плохой гитарный мастеръ. Достāju гитару Шерцера, настраиваю. Съ первыхъ же аккордовъ она оказывается много лучше своей предшественницы: тономъ и силой, и нѣжностью, и пѣвучестью. Работа превосходнѣйшая. Форматъ больше формата прежнихъ улучшенныхъ гитаръ; но самое новое и важное усовершенствованіе, это — два желѣзные прута, вставленные внутри и вдоль гитары. Такъ умно задуманное и ловко исполненное улучшеніе основано было на томъ же соображеніи, какъ и введеніе желѣзныхъ полосъ надъ декою роялей; страш-

ная сила натянутыхъ струнъ покоилась прежде у гитаръ на верхней декѣ, у которой отъ этого вибраціи были какъ бы задушены, задавлены, и которую очень часто коробило впоследствии. Теперь же вся сила натянутыхъ струнъ опиралась уже на желѣзныхъ прутьяхъ, оставляя декѣ полную свободу въ ея вибраціяхъ, что много увеличивало и силу, и пѣвучесть тона. Спустя два мѣсяца, когда новая гитара Шерцера пообыгралась, тонъ ея достигъ невѣроятной степени силы и оставилъ далеко за собою все прежнія гитары, которыя казались передъ нею дрянными балабайками. вмѣстѣ съ желѣзными прутьями внутри гитары было еще одно улучшение: это двойная нижняя дека, которая усиливала тонъ отрицательно и вотъ какъ: прежде, во время игры, дно гитары опиралось на грудь отчего уменьшалась и притуплялась сила звука тѣмъ, что часть его поглощалась сукномъ платья. Введеніе же втораго дна устраняло это неудобство, оставляя первому дну всю полноту отраженія звука. Сверхъ того, у этой гитары были механическіе колки, отчего гитара настраивалась легче и вѣрнѣе. Улучшеніе это было, впрочемъ, не ново; но только я въ первый разъ рѣшился имъ воспользоваться.

Итакъ, успія мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ и, вслѣдствіе ничтожнаго поощренія съ моей стороны, любимый мною и такъ несправедливо осмѣянный инструментъ вдругъ, безъ всякой постепенности, сдѣлалъ огромные шаги впередъ, на пути усовершенствованія, шаги, какихъ не дѣлалъ онъ въ продолженіе цѣлаго предшествовавшаго двадцатилѣтія. Съ какимъ наслажденіемъ отослалъ я Шерцеру условленную награду, т. е. лишнихъ 50%, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно и много благодарилъ его за новыя и столь важныя усовершенствованія въ гитарѣ; благодарилъ его и за себя, и за всѣхъ истинныхъ почитателей гонимаго инструмента. Фишеру же, разумѣется, отослалъ я только назначенную имъ за гитару плату, не болѣе. Но пора возвращаться въ Россію.

Августа 2 сѣлъ я въ Штетинѣ на почтовый пароходъ «Владимиръ» вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, съ огромнымъ багажемъ и съ тремя гитарами. На этотъ разъ плаваніе наше совершилось благополучно: погода была ясная, тихая, и никого изъ насъ ни разу не укачало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ провели мы по нѣсколькимъ днямъ и поселились снова въ тульской деревнѣ. Я опять принялся за правильныя и усиленныя музыкальныя упражненія

и съ наслажденіемъ разучилъ и потомъ игралъ прибрѣтенныя мною отъ Мерца манускрипты. Мѣсяца черезъ два я разрѣшилъ, какъ сказалъ я выше, трудность пополненія гармоническихъ средствъ гитары басомъ Sol. Сейчасъ же написалъ я объ этомъ въ Вѣну къ Шерцеру и выслалъ ему задатокъ на три десятиструнныя гитары, — двѣ для себя, а одну для знакомаго мнѣ любителя, съ обѣщаніемъ новой награды въ 50% при малѣйшемъ улучшеніи тона гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять получилъ я эти три гитары, изъ которыхъ только одна превзошла силою и свѣвучестію тона ту гитару, которую получилъ я отъ Шерцера въ Берлинѣ. Но я послалъ ему за всѣ три по 30% лишнихъ. Мало того, всякій разъ, когда потомъ кто нибудь просилъ меня о выпискѣ для него шерцеровской гитары, я не иначе брался за исполненіе такого порученія, какъ по соглашенію на 30% награжденія, — разумѣется, если только любитель обладалъ хорошими средствами. Написалъ я также и къ Мерцу, прося его о присылкѣ мнѣ манускриптовъ тѣхъ новыхъ его сочиненій, которыя онъ не назначалъ къ изданію. Такимъ образомъ я каждый годъ получалъ отъ него по три и по четыре манускрипта, и подѣ конецъ у меня скопился самый обширный и богатый гитарный репертуаръ, котораго бы достало на всю жизнь многихъ гитаристовъ или любителей. Но оканчиваю мою музыкальную исторію; я возвращусь къ ней впоследствии, когда дойдетъ очередь до моего конкурса. Итакъ, скрѣпя сердце возвращусь въ угарную и удушливую атмосферу откуповъ, чтобы досказать дальнѣйшіе подвиги, которыми великолѣпный откупщикъ и меценатъ Василій Андроповичъ Штукаревъ завершилъ возведенное имъ зданіе неслыханныхъ и вопіющихъ неправдъ, жестокосердія, пристрастія и недобросовѣстности.

ГЛАВА XV.

ОКОНЧАНИЕ ИСТОРИИ О ДВОЮРОДНОМЪ БРАТЦѢ —
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВЪ СТОЛИЦУ.

Коммерческія мои заботы не мѣшали, однако же, мнѣ заниматься музыкою, хотя и не съ прежнимъ увлеченіемъ, но все еще довольно усердно. Въ это время дозрѣвала въ моемъ умѣ музыкальная мысль, которая давно пришла мнѣ въ голову.

Въ то время, когда страсть моя къ гитарѣ была еще въ полной силѣ, я началъ сознать въ душѣ, несмотря на мое тогдашнее увлеченіе, что гитара отжила свой вѣкъ. Тяжело и грустно было это сознаніе. Независимо отъ механическаго несовершенства этого инструмента, причина его малаго употребленія или, скажемъ прямо, его повсемѣстнаго паденія заключалась еще и въ томъ, что онъ нисколько не двигался впередъ, не совершенствовался, какъ, напримѣръ, фортепьяно и многіе другіе музыкальные инструменты. Гитара оставалась съ тѣмъ же слабымъ, чахоточнымъ тономъ, какъ и лѣтъ двадцать тому назадъ. Къ тому же послѣ смерти Джуліани не появилось ни одного талантливаго композитора для гитары.

Неужели гитара осуждена на вѣки, безъ апелляціи? думалъ я тогда. Неужели невозможны для нея ни техническое улучшение инструмента, ни существованіе талантливаго композитора? Нельзя ли посредствомъ соревнованія, — этого могучаго рычага всякаго прогресса, — возбудить жизнь въ умирающемъ гитарномъ мірѣ, и вызвать къ усиленной и толковой дѣятельности и гитарныхъ мастеровъ, и гитаристовъ-композиторовъ? Вотъ откуда родилась у меня идея конкурса, еще до вступленія моего въ от-

купный дѣла, которые отвлекли меня надолго и отъ музыки, и отъ всѣхъ прочихъ безкорыстныхъ мыслей. Потомъ постоянная болѣзнь моею второй жены не позволяла мнѣ заняться осуществленіемъ идеи конкурса. Наконецъ, послѣ ея смерти, овладѣла мною такая тоска, что необходимо было развлечьъ себя. Съ болѣзненнымъ, судорожнымъ увлеченіемъ я снова предался гитарѣ — и идея конкурса быстро созрѣла. Это было въ мартѣ 1856 года. Я тогда сейчасъ же написалъ программу конкурса, въ которой назначалъ четыре преміи: двѣ — за лучшія сочиненія для гитары и двѣ — за наилучше-сдѣланныя гитары. Мѣстомъ конкурса назначилъ я Брюссель. Я самъ перевелъ эту программу на французскій языкъ и далъ перевести ее на нѣмецкій. Желая напечатать ее сперва въ русскихъ газетахъ, я обратился къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», и не прямо въ редакцію, а въ книжный магазинъ г. Ратькова, гдѣ была тогда контора этой газеты. И теперь, при этомъ удобномъ случаѣ, вмѣняю себѣ въ обязанность изъяснить признательность редакціи этой газеты: безъ малѣйшей рекомендаціи или протекціи, программа моя была напечатана черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи ею мною г. Ратькову.

Но не такъ было, когда я обратился съ французскимъ переводомъ программы въ контору другой газеты, издаваемой въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ. Мнѣ объявили, что программу мою не иначе могутъ напечатать, какъ тогда, когда я заплачу за нее «побуквенно», какъ это обыкновенно дѣлается со всѣми промышленными объявленіями, то есть программу мою помѣстили бы на послѣднемъ листѣ газеты, между объявленіями о вновь изобрѣтенной ваксѣ и о Ждановской жидкости. Я съ негодованіемъ отвергнулъ такое предложеніе.

Вскорѣ и за границею программа моя была напечатана въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Въ это время игра моя на гитарѣ вступила уже въ періодъ игры художественной. А главное, — я начиналъ уже достигать той важной точки искусства, которая составляетъ *sine qua non* виртуозности и до которой достигаютъ далеко не всѣ, даже и самые талантливые музыканты-исполнители, это — играть при всѣхъ такъ же хорошо или почти такъ, какъ у себя дома, безъ свидѣтелей, — это искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ привычка быть полнымъ господиномъ своего музыкальнаго чувства и своихъ артистическихъ средствъ. И сколько было и есть великихъ виртуозовъ, для ко-

торыхъ играть въ публикѣ — настоящая пытка! Кто изъ истинныхъ любителей и знатоковъ не слыхалъ о покойномъ великомъ Шопенѣ? Онъ дѣлался настоящимъ мученикомъ всякій разъ, когда приходилось ему участвовать въ какомъ нибудь концертѣ.

Итакъ я началъ собираться за границу. Къ тому же здоровье мое требовало новаго лѣченія водами. Сергіевскія мнѣ мало помогли, и мнѣ совѣтовали ѣхать въ Ахенъ, горячія воды котораго были бы для меня весьма полезны. Передъ отъѣздомъ моимъ за границу я принималъ участіе въ одномъ концертѣ, происходившемъ въ университетской залѣ и составленномъ изъ однихъ любителей. Участіе мое прошло незамѣченнымъ, вѣроятно вслѣдствіе изрѣченія: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Хотя многіе мои собраты по инструменту и согласились наконецъ отдать мнѣ должную справедливость, но все еще находились между ними и такіе благопріятеля, которые, не краснѣя и во всеуслышаніе, провозглашали, что «я играю на гитарѣ отвратительно, что нѣтъ въ Петербургѣ ни одного сапожника, ни одного кучера, ни одного дворника, который бы не могъ играть гораздо лучше меня.» И не вспомнишь всего, что было сказано тогда обо мнѣ.... Не вѣрите? Такъ я могу указать вамъ пальцемъ на одного такого благопріятеля и панегириста. И вы удивитесь, когда увидите, что это за господинъ! Какихъ почтенныхъ лѣтъ и какого почтеннаго чина! А главное, — это добрейшій и честнѣйшій изъ людей, котораго я душевно люблю. Но у многихъ господъ, достигшихъ извѣстныхъ лѣтъ, а особенно извѣстнаго чина, открывается иногда какой нибудь пунктъ помѣшательства.

C'est terrible, mais c'est vrai!

ГЛАВА XVI.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. — КОНКУРСЪ.

*«Dans ce monde où tout s'oublie,
Où chacun ne pense qu'à soi,
Il faut bien que l'on s'écrie:
Pensez à moi?» (*)*

Въ началѣ іюля поѣхалъ я за границу на почтовомъ пароходѣ, и прибывъ въ Ахенъ, принялся брать сѣрныя ванны и

(*) Въ этомъ свѣтѣ, въ которомъ все забывается, въ которомъ всякій только о себѣ думаетъ, поневолѣ закричишь иногда: подумайте и обо мнѣ.

пить тухлую воду. Тутъ я нашелъ много русскихъ, съ которыми очень весело проводилъ время. Вообще жизнь въ Ахенѣ несравненно веселѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ Крейцнахѣ. Посѣщалъ я и театръ, съ нѣмецкою оперною труппою, которую послѣ нашей итальянской можно было слушать только ради скуки. Но проездомъ участвовала въ нѣсколькихъ представлѣніяхъ примадона мадритскаго театра «*Angles Fortunia*», превосходная пѣвица, самой строгой и рѣдкой нынѣ итальянской школы. Одно было уморительно: она пѣла (въ «*Соннамбулѣ*») съ итальянскимъ текстомъ, а вся остальная труппа съ нѣмецкимъ.

Посѣтили меня еще два гитариста: Жансенъ и Фишеръ. Последний, очень молодой и бѣлобрысый нѣмчикъ, слытъ великимъ гитаристомъ на берегахъ нижняго Рейна. Но — увы! — игра его оказалась вышею экзажерациею нѣмецкой гитарной школы, т. е. это было нестерпимѣйшее царапанье. Бѣглости и силы — бездна, но ни отчетливости, ни чистоты, ни малѣйшей пріятности, — и при постоянномъ *forte* и *fortissimo* — непрерывный дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ни одной христіанской нотки. И вотъ повадился ко мнѣ, почти всякой день, этотъ Фишеръ и смертельно надоѣлъ мнѣ. Во первыхъ курилъ сквернѣйшія сигары, во вторыхъ портилъ струны на гитарѣ и страшно терзалъ мои уши, а въ третьихъ — всякій разъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я сказалъ ему мое откровенное мнѣніе о его игрѣ и далъ ему совѣтъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. И вотъ наконецъ я исполнилъ его просьбу слѣдующимъ образомъ:

— Въ вашей игрѣ, сказалъ я ему, есть важныя качества: страшная сила и чрезвычайная бѣглость. Но для того, чтобы ваша игра была пріятна, вамъ необходимо сдѣлать слѣдующее: положить вашу гитару въ футляръ, запереть ее и потомъ три года не вынимать изъ ящика и не брать ее въ руки. Если въ продолженіе этого времени вамъ удастся забыть совершенно свою теперешнюю игру, тогда постарайтесь послушать Шульца въ Лондонѣ или Зени-де-Ферранти въ Брюсселѣ, и принявъ ихъ за образецъ, доставьте вашу гитару и принимайтесь за нее. Вотъ единственный для васъ путь къ усовершенствованію.

Не знаю, послѣдовалъ ли Фишеръ моему совѣту, но только я уже болѣе не встрѣчался съ нимъ въ Ахенѣ. Независимо отъ своей плохой игры, онъ былъ еще причиною бесполезнаго моего путешествія въ Майнцъ, куда съѣздила я по окончаніи курса лѣченія моего въ Ахенѣ, — и вотъ почему и какъ: Фишеръ со-

общилъ мнѣ, между прочимъ, что есть три великіе гитариста: Штиллингъ въ Фульдѣ, Брандтъ въ Вюрцбургѣ и Францъ въ Мюнхенѣ, и совѣтовалъ мнѣ съѣздить послушать ихъ, говоря, что я не буду жалѣть ни времени, ни денегъ, издержанныхъ на это путешествіе. Вотъ я и собрался, и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Брюссель устроить конкурсъ, поѣхалъ на отысканіе нѣмецкихъ гитаристовъ «перваго сорта.» Заѣхавъ по дорогѣ въ Майнцъ, я послалъ за Камбергеромъ, который немедля явился ко мнѣ. Когда онъ узналъ, куда и зачѣмъ я ѣду, то сказалъ мнѣ: «вы будете жалѣть о потерѣ и денегъ и времени, потому что это самые обыкновенные гитаристы, которые не должны при васъ брать гитару въ руки.» Прокатался я даромъ, послушавъ бѣлобрысаго нѣмца. Нечего дѣлать. Итакъ я возвратился вспять изъ Майнца и пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ и поселился надолго, нанявъ себѣ весьма приличную квартиру.

Первое лице, къ которому я обратился по пріѣздѣ моемъ въ столицу Бельгіи, былъ нашъ генеральный консулъ, Ба—ракъ, умный и любезный человѣкъ, который и вначалѣ, и во все время пребыванія моего въ Брюсселѣ, не переставалъ оказывать мнѣ искреннее сочувствіе и содѣйствіе во всемъ, что касалось устройства моего конкурса. Онъ сейчасъ же поѣхалъ со мною къ пресловутому Фетису, директору брюссельской консерваторіи. Несмотря на почетную рекомендацію нашего консула, этотъ Фетисъ принялъ меня съ высоты самого уморительнаго, чтобы не сказать глупаго, величія. Я сейчасъ же увидѣлъ, что мнѣ нечего ожидать съ этой стороны. Вскорѣ мнѣ сообщили, что самое вѣрное, дѣйствительное средство расположить въ свою пользу патрона бельгійскихъ музыкантовъ, это—написать къ нему униженное письмо съ моленіями о покровительствѣ, а главное — со вложеніемъ банковаго билета въ пятьсотъ, а еще лучше если въ тысячу франковъ. О! тогда сей велемудрый музыкусъ сейчасъ же написалъ бы обо мнѣ и моемъ конкурсѣ великолѣпную статью, тиснулъ бы ее въ печать и потомъ открылъ бы передо мною настежь двери консерваторіи и въ ея пресловутой залѣ устроилъ бы конкурсъ подъ предсѣдательствомъ собственной своей сѣдовласой персоны. Разуужется, я съ негодованіемъ и отвращеніемъ отвергнулъ это грязное средство.

Но не буду повторять здѣсь всего, что я, живя въ Брюсселѣ, слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ о великомъ нужѣ Фетисѣ, который пользуется незаслуженною славою от-

личнаго музыканта. А какъ на человѣка, общественное мнѣніе въ Бельгіи наложило на него печать самой непочетной репутаціи, отъ которой каждому порядочному бельгійцу бываетъ тошно и стыдно, стыдно — за свое правительство, терпящее въ главѣ консерваторіи такого человѣка, какъ Фетисъ, вся жизнь котораго была и есть не что иное, какъ сплетеніе грязныхъ и чорныхъ дѣлъ. Въ доказательство истины моихъ словъ имѣется у меня документъ; это — номеръ одной изъ бельгійскихъ газетъ («*La Vérité, Organe Constitutionnel* № 87»), гдѣ напечатана преостроумная статья по поводу пятидесяти-лѣтняго юбилея супружества Фетиса, празднованнаго въ брюссельской консерваторіи, въ октябрѣ 1856 года. Въ этой смѣлой статьѣ юбилей Фетиса называютъ скандаломъ и обращаются къ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ, г. Дедекеру, съ просьбою «выбросить вонъ изъ консерваторіи, какъ марающій ея стѣны, бюстъ ея недостойнаго директора, поставленный туда его подлостью учениками и разными другими льстецами и низкопоклонниками». Но довольно о Фетисѣ.

Для устройства конкурса я обошелся и безъ Фетиса, по словицѣ «свѣтъ не безъ добрыхъ людей.» Я отыскалъ въ Брюсселѣ Дамке, глубокаго музыканта и контрапунктиста, прожившаго прежде нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и оказалъ мнѣ самое разумное и полезное содѣйствіе. Сейчасъ же познакомилъ онъ меня съ лучшими артистами и профессорами консерваторіи, въ томъ числѣ съ Серве, Леонаромъ, Блазомъ, Бендеромъ, Куффра и многими другими. Всѣ они съ готовностію приняли предложеніе — быть членами суда присяжныхъ въ моемъ конкурсѣ.

Между прочимъ Дамке посоветовалъ мнѣ дать концертъ, чтобы ознакомить публику съ моимъ талантомъ исполнителя. На этотъ предметъ директоръ филармоническаго общества въ Брюсселѣ, г. Гейнбургъ, отличный человѣкъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же залу. Это была превосходная зала въ акустическомъ отношеніи, вмѣстимостію немного болѣе петербургской университетской залы. Въ воскресенье 23 сентября, въ часъ по полудни, происходилъ этотъ концертъ. Несмотря на неблагопріятное для него время, — въ этотъ день и часъ происходилъ блистательный концертъ въ зоологическомъ саду, гдѣ была вся королевская фамилія и куда, благодаря отличной погодѣ, устремился весь Брюссель, — несмотря на это обстоятельство, въ

концертъ моемъ собралось до четырехъ сотъ человѣкъ. Тутъ находилось все, что только было въ Брюсселѣ порядочнаго и истинно-любящаго музыку. Я игралъ одинъ, безъ малѣйшаго посторонняго содѣйствія. Гитара раздавалась на всю залу и была такъ громка, что входящіе съ улицы въ сѣни, во время моей игры, не хотѣли вѣрить, что это была гитара, и думали, что какой нибудь піанистъ принимаетъ участіе въ моемъ концертѣ. Но самый большой фуроръ произвели — моя мазурка и потомъ мой же венеціанскій карнавалъ, въ которомъ есть вещи недоступныя никакому другому гитаристу; напр. играется тема на басахъ и въ тоже время слышится быстрѣйшая трель на верхнихъ нотахъ, играемая на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами. Когда я окончилъ программу концерта, меня окружила толпа незнакомыхъ мнѣ, но восторженныхъ любителей, — артистовъ, ученыхъ, служащихъ, которые жали мнѣ руки, а многіе обнимали меня. Но я этимъ не отдѣлался: по всеобщей убѣдительной просьбѣ, я повторилъ мою мазурку, а потомъ, по просьбѣ дамъ, я съигралъ еще ненаходившуюся въ программѣ пьесу — бравурную фантазію Мерца, на тему изъ «Elixir d'amore», одну изъ самыхъ блистательныхъ гитарныхъ пьесъ. Въ числѣ увлеченныхъ моею игрою былъ одинъ настоящій «fanatico per la musica e per la chitarra», — это нѣкто Аданъ, товарищъ бельгійскаго министра финансовъ. Онъ объявилъ мнѣ, что страстно любить гитару, на которой играетъ съ шестнадцати-лѣтняго возраста и для которой переложилъ онъ почти всѣ симфоніи Бетговена (?). Онъ переслушалъ всѣхъ великихъ гитаристовъ: Карулли, Джуліани, Ленъяни, Сора, Агуадо, Штоля, Зани-де-Ферранти и Гуэрту; но, если вѣрить его словамъ, ни одинъ изъ нихъ не подвинулъ такъ далеко исполненіе на гитарѣ, какъ я. На другой день послѣ концерта является ко мнѣ курьеръ министерства финансовъ и подаетъ огромный конвертъ. Тутъ было вложено «Rondo» для гитары, сочиненія Адана, который посвящалъ его мнѣ въ письмѣ, наполненномъ самыми восторженными похвалами моей игрѣ.

Это былъ третій мой дебютъ въ публикѣ, и самый удачный, потому что гитара, на этотъ разъ, была уже не послѣднею спицею въ колесницѣ, которую богатый и гордый баринъ удостоиваетъ иногда, но очень рѣдко, приглашать къ своему обѣденному столу, да еще сажаетъ ее на концѣ стола, гдѣ порою обнесутъ ее и блюдомъ и чарочкою. Нѣтъ! Въ моемъ концертѣ гитара

владычествовала нераздѣльно, не вымаливая себѣ заранее содѣйствія разныхъ мѣстныхъ полу-знаменитостей, да благосклонной улыбки фельетониста. Нѣтъ! Она одна наполняла звуками всю огромную залу и увлекла довольно значительную публику, составленную изъ истинныхъ знатоковъ и любителей музыки, и неподготовленныхъ ни одной изъ тѣхъ статей, которыя часто печатаются торгашами и раздавателями похвалъ перваго, втораго и третьяго сорта, и печатаются задолго до появленія на концертной эстрадѣ смышленного концерто-промышленника.

Теперь хотите ли знать, какъ велики были издержки при этомъ концертѣ? Афиши съ разсылкою ихъ по домамъ стоили мнѣ шесть франковъ. Это не то, что у насъ въ Петербургѣ. Ну, за то въ брюссельскихъ афишахъ нельзя и усладить себя прочтеніемъ напримѣръ того, какъ Фаустъ гуляетъ и встрѣчается съ хоромъ московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Григорья Соколова. Куда же имъ до паюса нашихъ афишъ!

Далѣе: привратнику филармоническаго общества за то, что онъ разставлялъ скамейки и стулья, далъ я 15 фр. А когда узналъ объ этомъ Гейнбургъ, президентъ общества, то прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ, удивленный и пораженный моею щедростію, и сказалъ:

— Да вѣдь платить, какъ вы, значитъ баловать, портить людей! Пяти франковъ было бы вполне достаточно для нашего привратника. Дать же десять франковъ, значитъ *платить по-княжески*. А вы дали ему *пятнадцать франковъ!!!...*

Итого: $6 + 15 = 21$ франкъ, что на русскій, т. е. на мѣдный счетъ составить 5 р. 25 коп. Да у насъ возьмутъ дорожку и за то только, чтобы васъ порядочно поколотить. И за это следуютъ съ васъ, да еще примолвятъ: «помилейте! себѣ дорожка стоитъ;» или «съ кого же и взять, какъ не съ васъ?» Но прошу покорнѣйше не дѣлать каламбура изъ моей фразы, а понимать ее такъ: дорожку возьмутъ не съ того, кто поколотитъ, а съ того, кого поколотятъ.

Вскорѣ послѣ моего концерта образовался и судъ присяжныхъ. Чтобы охотнѣе приступить къ дѣлу, я предварительно собралъ всѣхъ членовъ суда у Дюбоста, брюссельскаго Донона, гдѣ угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ, о которомъ позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ, въ назиданіе нашимъ рестораннымъ знаменитостямъ. Собралось насъ девять человѣкъ.

Обѣдъ былъ такой, какого я не ѣдалъ ни до, ни послѣ того: блюдъ двѣнадцать, самыхъ тонкихъ. И остендскія устрицы, и супъ изъ черепахи, и омары, и стразбургскій пирогъ, и разная рыба, и дичь; потомъ великолѣпный десертъ, ликеры и кофе. А при томъ выпито: двѣ бутылки шабли съ устрицами, шесть бутылокъ превосходнаго стараго бордо и четыре бутылки шампанскаго «Moët glacé». И все это стоило.... угадайте! навѣрно не угадаете, — стоило 149 франковъ и 90 сантимовъ, что составить на наше серебро, т. е. на нашу мѣду — 37 руб. 47 к. А такъ какъ насъ обѣдало девятеро, то и выходитъ по 4 руб. 16¹/₃ коп. на человѣка. Одинъ обѣдъ безъ вина стоитъ по шести франковъ съ cadaго.... Можетъ, вы не вѣрите этой дешевизнѣ, такъ у меня сохранилась карта того обѣда, которую могу я показать всѣмъ и каждому. Теперь, для большаго назиданія, я упомяну здѣсь объ обѣдѣ, бывшемъ прошлаго лѣта у одного изъ петербургскихъ знаменитыхъ рестораторовъ, въ Большой Морской, только не у Дюссо, а у его визави — у Бореля. Вотъ этотъ обѣдъ.

Было насъ четверо. Обѣдъ изъ шести самыхъ не тонкихъ блюдъ, какъ напр. щи изъ *щавеля*, потомъ котлета со *щавелемъ*, да кусокъ засушеннаго судака съ кусочкомъ лимона, а на жаркое — тетерька, родная сестра Петрушки изъ «Мертвыхъ душъ», чрезвычайно похожая на своего брата тѣмъ, что у нея былъ «свой собственный запахъ», довольно сильный. При томъ выпито: двѣ рюмки «свѣтланы» или «шведской», не припомню, — четыре рюмки дряннаго хереса, бутылка лафиту — такъ-себѣ и рюмка коньяку. Само собою разумѣется, что былъ тутъ и кофе. И вся эта мизерность стоила 13 р. 25 к., т. е. по 3 руб. 31 к. съ человѣка. За одинъ хересъ (4 рюмки) выставлено въ счетъ 2 р., а за двѣ рюмки водки — 80 коп!!... Исполать вамъ, г. Борель! Но все-таки врядъ ли вамъ удастся выстроить, не только четырехъ-этажный домъ, но и деревянную избу изъ такихъ обѣдовъ съ тетерькою, сестрою гоголевскаго Петрушки; потому что сотни такихъ, какъ я, пообѣдаютъ у васъ разъ, да болѣе никогда къ вамъ и не заглянуть.

Наконецъ 4 (16) октября происходило у меня въ квартирѣ первое засѣданіе суда присяжныхъ; я открылъ его небольшою рѣчью. Потомъ сейчасъ приступили къ выбору президента, въ которые я былъ избранъ единодушно. Въ это засѣданіе постановлены были условія и правила относительно присылки на конкурсъ и обратной отсылки гитаръ и сочиненій, и потомъ назна-

ченъ былъ день присужденія премій, а именно 1 декабря н. ст.; но въ послѣдствіи онъ былъ отсроченъ до 10 декабря. Постановленіе это было сейчасъ же напечатано во многихъ брюссельскихъ журналахъ и потомъ перепечатано въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Между тѣмъ я со всѣхъ сторонъ началъ получать сочиненія, предназначаемыя для конкурса: изъ Франціи, Германіи, Венгріи, Польши, Голландіи и Испаніи; послѣднія были одни изъ худшихъ. Болѣе тридцати конкурентовъ прислали мнѣ слишкомъ шестьдесятъ сочиненій. Многіе изъ нихъ прилагали и письма ко мнѣ, въ которыхъ превозносили меня, называя покровителемъ гитары, и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, титуловали меня—то барономъ, то графомъ, то княземъ. Нѣкоторыя изъ писемъ были донельзя уморительны, и при нихъ прилагались афиши концертовъ, данныхъ ихъ авторами. Что касается до Мерца, то еще въ бытность мою въ Петербургѣ онъ прислалъ мнѣ для конкурса четыре новыя свои сочиненія. Съ самаго возвращенія моего изъ перваго путешествія я постоянно переписывался съ нимъ. Несмотря на исковерканный французскій языкъ его писемъ и на даваемый мнѣ титулъ *святлости* (Monseigneur), въ нихъ просвѣчивалось много теплаго чувства и самой искренней, почтительной ко мнѣ любви. Но всего болѣе плѣняла меня въ Мерцѣ его необыкновенная скромность. Присылая мнѣ свои очаровательныя задушевныя сочиненія, онъ, казалось, нисколько не сознавалъ ихъ достоинствъ. Какъ мало подходили на него въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ его собратій, наприимѣръ Щепановскій, который лѣтъ шесть тому назадъ былъ въ Петербургѣ и насмѣшилъ всѣхъ своимъ безсиліемъ и претензіями на концертную игру. Явился-было онъ ко мнѣ въ Брюссель и началъ свое со мною знакомство съ объявленія, что онъ — первый гитаристъ въ Европѣ, что онъ игралъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ и Богъ-знаетъ еще гдѣ, и повсюду производилъ страшный фуроръ, а въ Петербургѣ, между прочимъ, *убилъ своею игрою піаниста Лешетицкаго!*? И говорилъ онъ все это, нимало не краснѣя, а только поддергивая свои длинные усы. Потомъ досталъ онъ и показалъ мнѣ нумеръ какого-то иллюстрированнаго журнала, гдѣ упоминалось о немъ, Щепановскомъ....

Между тѣмъ мнѣ хорошо были извѣстны его музыкальныя успѣхи въ Петербургѣ, гдѣ во второмъ своемъ концертѣ онъ игралъ передъ пустыми креслами Михайловскаго театра. А когда

я заговорилъ съ нимъ о Зени-де-Ферранти, Шульцѣ и Мерцѣ, то онъ сдѣлалъ самую презрительную гримасу и тутъ же объявилъ, что всѣ они — дрянъ. Даже великій Мауро Джуліани — дрянъ!... На свѣтѣ только и есть одинъ великій гитаристъ, это — онъ, Щепановскій, онъ, который изобрѣлъ особую методу игры посредствомъ непрерывнаго «bagge», безъ котораго на гитарѣ нѣтъ спасенія. И метода эта съ нимъ и умретъ, потому что онъ никому ее не передастъ. Но ни памяти, ни терпѣнія не достанетъ у меня пересказать все, что намодола мнѣ эта ничтожная посредственность, помноженная на самую заносчивую самонадѣянность. Столько наглаго хвастовства и безстыдной лжи возмутили мнѣ душу и возбудили во мнѣ сильнѣйшее негодованіе: мнѣ такъ и хотѣлось повернуть его къ дверямъ и вытолкать вонъ. Но я удовольствовался тѣмъ, что, не приглашая его ни играть на гитарѣ, ни даже садиться, сказалъ ему:

— Г. Щепановскій! Не знаю, какъ и что происходило въ вашихъ концертахъ въ Лондонѣ, Константинополѣ или хоть и въ Томбукту; но объ успѣхахъ вашихъ въ Петербургѣ слѣдуетъ говорить вамъ со мною поскромнѣе, потому что я самъ петербургскій житель и имѣю полное понятіе о лаврахъ, которые вы тамъ пожали. А что касается до Зени-де-Ферранти и до Шульца, то я имѣлъ честь и счастье самъ ихъ слышать и объявляю и вамъ, и кому угодно, что, какъ исполнители, они стоятъ несравненно выше всѣхъ остальныхъ гитаристовъ, не исключая и меня съ вами, г. Щепановскій, которому считаю долгомъ напомнить, что скромность есть лучшее украшеніе таланта и что хвастовство унижаетъ талантъ, даже самый необыкновенный.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ громко и рѣшительно, хвастунника вдругъ притихъ, — да такъ, что и рта уже не раскрывалъ, а только сталъ крутить свои длинные усы, крутилъ, крутилъ ихъ да и отретировался, не хуже Гиулая, свѣжей памяти, отретировавшагося изъ Піэмонты со стыдомъ сокрушенной гордыни, — и потомъ уже ноги ко мнѣ не показывалъ. Да и въ цѣломъ Брюсселѣ никто не говорилъ о немъ ни слова. Не вѣдаю, что потомъ случилось съ нимъ. Вѣроятно, морочить гдѣ нибудь и какихъ нибудь невзыскательныхъ меломановъ, готовыхъ приходить въ восторгъ отъ всякой дребедени, сопровождаемой поддѣльною важною и самодовольною улыбкою, да еще легковѣрныхъ и плохо-знающихъ музыку фельетонистовъ, готовыхъ признать чудомъ cadaго шарлатана, который пустить имъ пыль въ глаза

своею мнимо-новою методою игры, состоящею изъ нѣсколькихъ плаксивыхъ нотъ, завывающихъ пассажей и раздирающихъ пальцы аккордовъ. Но возвращусь къ конкурсу.

Въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ я получилъ тамъ письмо отъ Мерца: онъ увѣдомлялъ меня о своей тяжелой болѣзни. Въ Ахенѣ я получилъ письмо отъ его жены, извѣщавшей меня, что ея мужу стало еще хуже, и что онъ уже не въ силахъ самъ писать ко мнѣ. Сильно обезпокоило и огорчило меня это извѣстіе: я душевно полюбилъ и уважалъ скромнаго и талантливаго гитарнаго композитора, единственную надежду немногихъ почитателей моего инструмента. Наконецъ въ октябрѣ я получаю изъ Вѣны письмо за черною печатью. Съ замирающимъ сердцемъ я распечатываю это письмо: оно было отъ г-жи Мерцъ, которая въ самыхъ горестныхъ выраженіяхъ сообщила мнѣ вѣсть о кончинѣ мужа. Я горько заплакалъ. И теперь, когда пишу эти строки, слезы текутъ изъ глазъ, грусть сжимаетъ сердце. И гитара, и всѣ гитаристы должны были тогда облечься въ трауръ, потому что утрата Мерца до сихъ поръ незамѣнима. Конкурсъ мой, какъ это будетъ потомъ видно, не открылъ ни одного, даже хоть сколько нибудь подходящаго къ нему по таланту, композитора гитарной музыки. Письмо жены Мерца кончалось слѣдующими словами: «мужъ мой обожалъ васъ; послѣднее слово, которое произнесъ онъ, умирая, было—ваше имя».

Незадолго до конкурса, гитара моя пріобрѣла новый и самый блистательный успѣхъ: это было полнѣйшее торжество и возрожденіе этого загнаннаго инструмента. Дамке познакомила меня съ двумя домами, гдѣ страстно любили искусство Моцарта и Бетговена и собирали у себя часто все, что было знаменитаго въ Брюсселѣ по части музыки. Главами этихъ двухъ домовъ были два брата, бароны Даннетанъ, принадлежащіе къ высшей бельгійской аристократіи. Одинъ изъ нихъ былъ секретаремъ короля Леопольда, а другой—генеральнымъ сборщикомъ податей. Сперва одинъ изъ братьевъ сдѣлалъ у себя музыкальный вечеръ, на которомъ играли Серве и я. Съигралъ я тогда двѣ пьесы Мерца: фантазіи на темы изъ «Montechi» и «Elixir d'Amore» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Потомъ былъ музыкальный вечеръ у другаго брата. Этотъ вечеръ имѣлъ важное значеніе. У Серве, какъ у многихъ великихъ артистовъ, была слабость: онъ любилъ балаболки. У него было тогда ихъ двѣ: бельгійскій орденъ Леопольда, да, кажется, какой-то кобургскій крестикъ.

И вдругъ Серве началъ страдать сильнѣйшею жаждою—ордена Почетнаго Легіона. Бароны Даннетанъ, прекраснѣйшіе люди, очень любили Серве и взялись помочь ему въ его недугѣ. Незадолго передъ тѣмъ король Леопольдъ пожаловалъ орденъ своего патрона французскому піанисту Герцу. Вотъ на этомъ-то пожалованіи и основали они свои надежды и планъ своихъ дѣйствій. Второй Даннетанъ, секретарь короля, пригласилъ на свой вечеръ многихъ министровъ и посланниковъ, а въ томъ числѣ и французскаго, Фердинанда Барро, на котораго и задумали повести такую искусную атаку, что онъ долженъ бы былъ непременно сдаться на капитуляцію. А первымъ условіемъ этой капитуляціи было бы, разумѣется, обѣщаніе испросить для Серве у императора французовъ орденъ Почетнаго Легіона, какъ любезность для короля Леопольда, въ отвѣтъ на его любезность относительно Герца, французскаго подданнаго.

Итакъ, вечеръ этотъ былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ. Дѣятелями его были: Серве, который съигралъ три свои пьесы и превзошелъ себя, потомъ молодая и прекрасная графиня Росси, дочь знаменитой Росси-Зонтагъ, пѣла два раза, и пѣла безподобно; она вполне наслѣдовала талантъ своей славной матери. Потомъ Дамке игралъ на фортепьяно превосходное «Allegro» изъ своей симфоніи, аранжированное имъ на четыре руки. Съ нимъ играла жена его, ученица Гензельта; наконецъ игралъ два раза и вашъ покорнѣйшій слуга. Въ первый разъ, и сейчасъ послѣ первой игры Серве, исполнилъ я фантазію Мерца на извѣстную тему изъ «Пирата». Это превосходная пьеса, и блестящая, и задушевная. Въ ней есть одна страница изъ флажолетовъ, которые на моей гитарѣ удивительно сильны и пѣжны. Шумныя, искреннія рукоплесканія наградили за эту пьесу и меня, и память покойнаго Мерца. Подъ конецъ вечера Серве съигралъ свой блистательный «Souvenir de Varsovie». Я было надѣялся, что этимъ все и кончится, и что *казнь моя* не возобновится; я считалъ, да и теперь считаю для себя казнію—играть въ многочисленномъ и блестящемъ обществѣ. Но—увы!—я надѣялся напрасно. Едва замолкли очаровательные звуки віолончели Серве, ко мнѣ подошла хозяйка дома и сказала мнѣ съ всепобѣждающею улыбкою :

— Чтобы достойнымъ образомъ заключить нашъ вечеръ, всѣ мы просимъ васъ взять еще разъ въ руки вашу чудесную гитару и подарить намъ наслажденіе слушать очаровательные звуки,

которые вы такъ мастерски умѣете извлекать изъ вашего инструмента.

— Какъ, баронесса! Играть на гитарѣ послѣ пѣнія графини Росси и послѣ виолончели г. Серве! Да это будетъ неслыханная дерзость съ моей стороны!

Но съ ламами, да еще съ баронессами, да къ тому же умными и милыми, трудно спорить. Еще не придумано такихъ аргументовъ, которые могли бы убѣдить ихъ, и потому я долженъ былъ, какъ говорятъ французы: «*m'exécuter de bonne grâce*». Досталъ я свою гитару и пошелъ на эшафотъ, т. е. сѣлъ на стулъ и положилъ гитару на лѣвую ногу. Въ эту критическую для меня минуту подошелъ ко мнѣ Дамке и сказалъ мнѣ вполголоса:

— Что вы намѣрены играть? Сыграйте вашу «симфоническую фантазію.»

— Нѣтъ! отвѣчалъ я — она слишкомъ длинна и слишкомъ серьезна. Хочу сыграть мой «карнавалъ». Это и эффектно, и не такъ утомительно.

— Ну, съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха.

Прижалъ я къ груди свою возлюбленную, окинулъ взоромъ многочисленное и блестящее собраніе и мысленно призвалъ къ себѣ на помощь тѣни великихъ гитаристовъ: покойнаго Джуліани и еще здравствующаго Шульца. И началъ, и окончилъ я мою игру съ акомпаниментомъ сильнаго біенія сердца. Исполнилъ я мой карнавалъ, —этотъ ослѣпительный музыкальный фейерверкъ такъ, какъ я не всегда его исполнялъ. Невозможно описать тотъ неудержимый, потрясающій взрывъ рукоплесканій, который послѣдовалъ за окончательнымъ аккордомъ карнавала. И это было слѣдствіемъ не одной обычной вѣжливости, а всеобщаго, неподдѣльнаго увлеченія и восторга. Дамке, мужъ и жена, подошли ко мнѣ и крѣпко пожимали мнѣ руки. О хозяинѣ и хозяйкѣ дома и говорить нечего: они разсыпались передо мною въ самыхъ лестныхъ похвалахъ и въ живѣйшей благодарности. А минуто спустя потомъ, подошла къ Дамке сестра хозяйки, какая-то графиня, съ дочерью дивной красоты, и сказала ему громко, такъ что я могъ разслушать каждое слово:

— Если бы я не видѣла своими собственными глазами и не слышала своими собственными ушами, я никому не повѣрила бы, что послѣ игры г. Серве и пѣнія графини Росси, гитара въ состояніи была произвести такой эффектъ.

Этотъ вечеръ и еще данный мною въ Брюсселѣ концертъ могли бы достаточно опровергнуть то ложное мнѣніе, что гитара — инструментъ неконцертный. Помилуйте, гг. «строгіе цѣнители и судьи!» Да какихъ же инструментовъ не являлось въ наше время на концертной эстрадѣ? И являлось съ полнымъ успѣхомъ. Слышали мы концерты даже на однихъ губахъ, безъ всякаго содѣйствія деревяннаго или мѣднаго инструмента, на..... на свистѣ. Каждый инструментъ хорошъ для концерта, если у концертиста соединены слѣдующія условія: превосходный инструментъ, превосходное исполненіе, превосходно составленная концертная программа и превосходная концертная зала, которой величина должна соответствовать силѣ тона инструмента. Но вѣдь мнѣ не убѣдить всѣхъ скептиковъ и старовѣровъ музыкальнаго искусства, особенно такихъ любителей, которые, какъ это не разъ случалось со мною, прослушавъ меня, бывало, скажутъ: «Хорошо, очень хорошо, но...., какъ жаль, что вы не играете на фортепьяно!» Любезный читатель,

«Избави Богъ и васъ отъ такихъ судей»!

Виновать! чуть было не позабылъ сказать, что блистательный вечеръ барона Даннетана, столь удачный для меня, былъ, — увы! — далеко не такъ удаченъ для великаго віолончелиста: французскій посланникъ не явился, потому что въ минуту выѣзда его на вечеръ, къ нему пріѣхала изъ Парижа жена его, которая и заставила его остаться дома, и онъ прислалъ къ барону кого-то съ извиненіемъ, что не можетъ быть у него. Такимъ образомъ, «Почетный Легіонъ» ускользнулъ отъ Серве. Не знаю, достигъ ли онъ въслѣдствіи желаемой цѣли и присоединилъ ли къ двумъ прежнимъ еще и третью—французскую балаболку.

Во время пребыванія моего въ Брюсселѣ ко мнѣ являлось много любителей-гитаристовъ и разныхъ другихъ артистовъ. Между тѣмъ, я познакомился съ двумя молодыми испанцами изъ Гибралтара: дономъ Навоне и дономъ Паскуале, скрипачемъ и піанистомъ, пріѣхавшими окончить свое музыкальное образованіе въ брюссельской консерваторіи. Но такое образованіе не встрѣчало сочувствія со стороны директора консерваторіи Фетиса. Изъ класса композицій почти всегда выходили недовыучки, такъ что потомъ имъ необходимо было доучиваться посредствомъ частныхъ уроковъ. Мало того, — я зналъ въ Брюсселѣ многихъ воспитанниковъ консерваторіи, которые, независимо

отъ ученія въ классахъ, въ тоже время брали у Дамке уроки гармоніи и композиціи, потому что въ консерваторіи теорію музыки преподавалъ сынъ Фетиса, самый плохой изъ всѣхъ плохихъ музыкантовъ—теоретиковъ. Я тоже воспользовался пребываніемъ моимъ въ Брюсселѣ и бралъ уроки гармоніи у Дамке, превосходнѣйшаго наставника по этой части, который имѣлъ необыкновенный даръ излагать ясно и понятно самые трудные вопросы генералъ-баса. Но возвращусь къ испанцамъ!...

Они совѣтовали мнѣ посѣтить ихъ отечество, говоря, что меня пронесутъ на рукахъ съ одного конца Испаніи до другаго. Я было и проектировалъ на весну такое поэтическое путешествіе;—но увы!—ему не суждено было осуществиться, вслѣдствіе самой прозаической причины....

Посѣщалъ меня еще нѣкто «Iradier, chevalier de l'ordre de Charles trois, professeur du chant au conservatoire de Madrid et ci-devant maître de chant de l'Impératrice des français». Извините за длинный титулъ: такъ красовался онъ на визитной карточкѣ. Этотъ Ирадье былъ добрый малый, самый веселый, откровенный и безцеремонный испанецъ, который хохоталъ до упаду, страшно размахивалъ руками, когда говорилъ, и потомъ — то игралъ на фортепьяно свои сочиненія, то брянчалъ на гитарѣ и пѣлъ народныя испанскія пѣсни съ пристукиваньемъ, съ прищолкиваньемъ и съ присвистываньемъ. Онъ было началъ готовить сочиненіе для моего конкурса, но вышелъ странный случай: когда на первый разъ, по его просьбѣ, я сталъ играть на гитарѣ, то исполнилъ фантазію Мерца на «Montechi». Когда я кончилъ, Ирадье остолебенѣлъ, ударилъ себя кулакомъ по лбу и вскричалъ съ отчаяніемъ: «вы меня убили!» Тутъ онъ досталъ изъ кармана листъ нотной бумаги и показалъ мнѣ нѣсколько музыкальных фразъ, набросанныхъ карандашомъ, прибавя: «для вашего конкурса я сегодня же началъ готовить фантазію на ту же тему, на которую вы сейчасъ играли такую чудную вещь. Увы! сознаюсь, что я не въ состояніи написать ничего даже подходящаго къ игранный вами пьесѣ и потому долженъ отказаться отъ всякой мысли участвовать въ вашемъ конкурсѣ.»

Дня за четыре до окончанія конкурса явились ко мнѣ изъ Парижа: Кость, мой старый знакомецъ, который привезъ на конкурсъ четыре пьесы своего сочиненія, и Чибра, кровный испанецъ, родомъ изъ Севильи, но уже болѣе двадцати

лѣтъ оставившій свою родину и проживавшій сперва пятнадцать лѣтъ въ Лондонѣ, а потомъ уже пять лѣтъ проживающій въ Парижѣ, гдѣ написалъ онъ оперу, данную безъ успѣха на сценѣ «Большой Оперы». Этотъ Чибра, еще задолго до своего прїѣзда, прислалъ мнѣ свое сочиненіе для конкурса. Но, какъ композиторъ, онъ былъ не важенъ. Правда, что его сочиненія были очень оригинальны и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ сочиненія Джуліани и Мерца. Въ нихъ было много мелодіи и пріятности, особенно при его личномъ исполненіи. Но они были очень однообразны и по формѣ цѣлаго, и по частностямъ. Стилъ самый маленькій, бѣльшею частію танцевальный. Гармонія — тощяя, бѣдная; а тональность — убійственно однообразная, рѣдко выходящая изъ двухъ или трехъ діезовъ, — этого палладіума плохихъ гитаристовъ, на которыхъ бемолю, а сохрани Боже два, производитъ почти такое же дѣйствіе, какъ вода на гидрофобовъ. Впрочемъ, для разнообразія моего обширнаго репертуара, а равно и для усвоенія всевозможныхъ стилей и манеръ я разучилъ два изъ сочиненій Чибры, исполнение которыхъ доставляетъ мнѣ удовольствіе и которыя нравятся почти всѣмъ безъ исключенія, въ особенности дамамъ. Не забуду, какой фуроръ произвелъ я этими пьесами на пароходѣ, во время третьей моей поѣздки за границу въ 1857 году. Теперь нѣсколько словъ о Чибрѣ, какъ объ исполнителѣ.

Игра его — въ высшей степени замѣчательна. По методу почти всѣхъ испанцевъ, у него на правой рукѣ были отпущены длинныя ногти, которыми онъ игралъ, держа пальцы надъ струнами не отвѣсно, какъ это бываетъ при обыкновенной игрѣ, а облически и не ударяя ногтемъ по струнѣ, а только налагая его на нее и потомъ скользя со струны на грифъ гитары. Этою манерою онъ извлекалъ изъ гитары необыкновенно-нѣжные, полные, пѣвучіе звуки, какихъ я не слышалъ до тѣхъ поръ ни у кого, не исключая и Зани-де-Ферранти, гитариста съ нѣжнѣйшею игрою по преимуществу. «Vibrase» у Чибры было дивно-хорошо: гитара у него рѣшительно вздыхала, стонала и рыдала. Но все это было только при медленныхъ темпахъ: *Largo*, *Adagio*, *Andante*. Какъ только доходило дѣло до темповъ живыхъ, до *Allegro* и *Presto*, тогда въ игрѣ Чибры выказывалась обратная сторона медали; тутъ уже невозможно было скользить внизъ; а приходилось ударять ногтями по струнамъ, отъ чего слышался рѣзкій, не-

талияческій звукъ, далеко не соотвѣтствующій бархатнымъ звукамъ его *Adagio*. Да и самая бѣглость много теряла отъ этой ногтевой методы. Однимъ словомъ, Чибра могъ доставить величайшее наслажденіе своею игрою въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но потомъ, *à la longue*, игра и особенно сочиненія его прислушивались и уже интересовали все менѣе и менѣе. Музыка, какъ и кухня: нельзя кормить все сладостями; требуются и другія болѣе питательныя яства, а къ нѣкоторымъ не мѣшаетъ иногда прибавлять горчицы или перцу.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, до меня дошли слухи о томъ, что Чибра игралъ гдѣ-то въ Брюсселѣ въ большой залѣ и при многочисленной публикѣ, но что произвелъ очень мало эффекта. Душевно сожалѣю его, тѣмъ болѣе, что все-таки это одинъ изъ талантливѣйшихъ гитаристовъ, хотя и не изъ самыхъ скромныхъ; потому что, посѣщая меня въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, почти ежедневно, онъ чрезвычайно много разглагольствовалъ о своихъ безчисленныхъ триумфахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, въ подтвержденіе которыхъ ничего не могъ представить, кромѣ собственныхъ своихъ словъ и самаго неблестящаго положенія своего кармана, до того тощаго, что мнѣ стало очень жаль его и.... Но объ этомъ не стоитъ и не должно говорить.... Пора досказать исторію моего конкурса и возвратиться въ Петербургъ, чтобы докончить исторію о великолѣпномъ откушникѣ-меценатѣ.

Много хлопотъ и работы причинилъ мнѣ мой конкурсъ. Одно полученіе инструментовъ изъ таможи и потомъ сочиненій и писемъ, болѣею частію не франкированныхъ, не мало стоило мнѣ и времени и денегъ. Но самое убійственное, это—разбираніе сочиненій, которыхъ было прислано болѣе шестидесяти и которыя, за исключеніемъ пьесъ Мерца, Коста, и еще двухъ или трехъ конкурентовъ, облачали полнѣйшую бездарность. Посидѣлъ я надъ этими сочиненіями! А отдѣлаться отъ этого было невозможно: по званію моему президента суда присяжныхъ, да къ тому еще въ качествѣ любителя и знатока гитарной музыки, т. е. самаго компетентнаго судьи въ дѣлѣ гитары, мнѣ необходимо было просмотрѣть каждое сочиненіе, чтобы потомъ подать не одностороннее, а вполне справедливое мнѣніе при назначеніи премій. Затѣмъ я отправилъ всю массу этихъ сочиненій къ Дамке, съ просьбою просмотрѣть и переслать ихъ къ слѣдующему члену и такъ далѣе.

Гитаръ было прислано немного: одна изъ Вѣны отъ Шерцера, одна изъ Петербурга отъ Аргузена; одна изъ Парижа отъ преемника Лакота, Эйриха; одна изъ Праги, не помню отъ кого; двѣ изъ Мюнхена, тоже не помню отъ кого, и еще двѣ изъ Вѣны отъ кого-то, но которыя опоздали уже и не были приняты на конкурсъ.

Наконецъ насталъ день присужденія премій. Въ восемь часовъ вечера собрались у меня всѣ члены суда присяжныхъ, и я открылъ засѣданіе. Не помню, кто изъ членовъ предложилъ предварительный вопросъ: какъ вотировать присужденіе премій — съ преніями или безъ преній. Я подалъ мнѣніе за вотированіе съ преніями, что и было принято единодушно. Изъ шестидесяти четырехъ сочиненій допущено было въ конкурсъ только сорокъ, остальные были отстранены, какъ не подходящія подъ условія программы, или какъ слишкомъ ничтожныя. Затѣмъ изъ остальныхъ сорока были признаны достойными премій только четыре сочиненія Мерца, четыре — Коста, два — Комарнаго и одно Кюнеля, итого одиннадцать сочиненій. Разумѣется, всѣхъ достойнѣе были сочиненія Мерца, несравненно превосходившія сочиненія остальныхъ трехъ конкурентовъ. Я еще прежде изъявилъ мнѣніе, что смерть Мерца не должна препятствовать къ принятію на конкурсъ его сочиненій, а равно и къ присужденію за нихъ премій, которая въ такомъ случаѣ должна быть отслана вдовѣ Мерца. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ члены. Но — увы! — въ самый послѣдній день конкурса противъ меня составилъ заговоръ (*sabale*), — и вотъ почему и какъ.

Когда я давалъ обѣдъ членамъ суда, то, подъ конецъ стола, рѣчь коснулась Фетиса. Грѣшный человѣкъ! Я никогда не метилъ въ Таллейраны и даже во снѣ не кривилъ душой, не морочилъ языкомъ; поэтому при имени Фетиса я выпустилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій. Ни Серве, ни Блазъ, которые были профессорами въ консерваторіи, не изъявили тогда ни малѣйшаго неудовольствія. О Дамке и говорить нечего: никогда и нигдѣ не скрывалъ онъ своего благороднаго негодованія на недостойнаго директора, который обложилъ акцизомъ и мѣста профессоръ, и самую раздачу премій на конкурсахъ въ консерваторіи. Итакъ, Филиппика моя не оскорбила никого, кромѣ одного господина, имени котораго я не хочу упоминать здѣсь, но который любилъ и служить, и прислуживаться. Вотъ этотъ прислуживающійся господинъ и вздумалъ обидѣться за всеяльнаго Фе-

тиса; а обидѣвшись, вознамѣрился при первомъ удобномъ случаѣ чѣмъ нибудь миѣ отплатить, т. е. «напакостить». Такой случай представился ему не ранѣе, какъ въ послѣдній день моего конкурса. Онъ зналъ, что я питаю глубокое уваженіе къ памяти Мерца. Вотъ и задумалъ онъ досадить, т. е. напакостить миѣ тѣмъ, чтобы первая премія за сочиненія досталась на Мерцу, а кому нибудь другому, и для этого подтасовалъ было себѣ партію. Вотъ какъ и чѣмъ разрѣшилась эта интрига:

По отобраніи одиннадцати сочиненій, признанныхъ достойными награды, я предложилъ первую премію за «Concertino» Мерца, а вторую за «Serenade» Коста. Тогда господинъ мститель и прислужникъ Фетиса повелѣлъ такую рѣчь:

— Безспорно, сочиненія Мерца далеко превосходятъ всѣ остальные и по вдохновенію, и по блеску; но.... въ нихъ есть неправильности (incorrections).

— Какія? спросилъ я.

— А вотъ взгляните въ это концертино: тутъ есть неправильное разрѣшеніе септимы.

— Укажите, — гдѣ?

— А вотъ въ этомъ аккордѣ: *sol diès*, вмѣсто *la bemol*.

— Помилуйте! Этотъ *sol diès* поставленъ съ намѣреніемъ: вѣдь Мерцъ писалъ не для педантовъ, а для гитаристовъ, изъ которыхъ большая часть страшно боится бемолей, тогда какъ діезы имъ нипочемъ. И къ тому же, — отъ этого преступнаго діеза разрѣшеніе нисколько не страдаетъ; разрѣшающій аккордъ остается тотъ же самый. Чего же вамъ болѣе? Уши не страдаютъ; а неужели въ музыкѣ глаза важнѣе слуха? Къ тому же, господа, подумайте о томъ, что судить о достоинствѣ произнесеннаго нами приговора будутъ не контрапунктисты, а гитаристы, которые, сличивъ два увѣнчанные нами сочиненія, пожмутъ плечами, да еще, пожалуй, произнесутъ какое нибудь нехорошее слово, такъ что насъ не оправдаетъ въ ихъ глазахъ не только одинъ неумѣстный діезъ, но если бы ихъ находилось и десять въ превосходномъ сочиненіи Мерца.

Педантъ и прислужникъ замолчалъ. Но минуту спустя, понатужился и ввернулъ слѣдующую закавычку.

— Г. Макаровъ? Если бы случилось, что Мерцу досталась не первая, а вторая премія, вы не будете протестовать противъ нашего рѣшенія?

— Мнѣ будетъ и грустно, и больно такое рѣшеніе, ибо по всей справедливости Мерцъ достоинъ первой преміи. Но во всякомъ случаѣ, я покорюсь рѣшенію большинства.

Затѣмъ приступили къ вотированію. Секретарь суда, Шоттъ, приготовилъ семь билетиковъ и роздалъ ихъ членамъ, въ томъ числѣ и мнѣ одинъ. Всѣ написали на нихъ по два имени — для первой и второй преміи, потомъ свернули въ трубочки эти билеты и поочередно бросили ихъ въ урну. Шоттъ взялъ потомъ эту урну и высыпалъ передо мною билеты. Сердце сильно билось во мнѣ, когда я развертывалъ написанныя имена, вносилъ ихъ на листъ бумаги и наконецъ провозгласилъ:

«На первую премію — Мерцъ четыре голоса, Кость три; первая премія присуждена Мерцу.»

Ухъ! какой тяжелый камень свалился съ моего сердца! Я вздохнулъ свободно. Потомъ Шоттъ еще провозгласилъ:

«На вторую премію — Кость четыре голоса, Кюнель — два, Камарный — одинъ голосъ; Кость получилъ вторую премію.»

Итакъ вопросъ о сочиненіяхъ былъ рѣшенъ, и рѣшенъ самымъ справедливымъ образомъ, благодаря моимъ доводамъ, которые подѣйствовали на большинство, вопреки интригѣ прислужника Фетиса. Я сейчасъ же послалъ записку къ Косту, прося его къ себѣ съ гитарою, по приглашенію всѣхъ членовъ, желающихъ прослушать два изъ его сочиненій, чтобы рѣшить окончательно, которое изъ нихъ увѣнчать наградою. Кость сейчасъ явился ко мнѣ въ кабинетъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ и принялся меня обнимать и цаловать, говоря, что считаетъ величайшею честію и счастіемъ то, что онъ получилъ вторую премію вслѣдъ за Мерцемъ, передъ которымъ склоняется, какъ передъ величайшимъ современнымъ композиторомъ для гитары. Я ввелъ его въ гостиную и представилъ членамъ суда. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій съ успѣхомъ, Кость сыгралъ двѣ пьесы, изъ которыхъ достойною второй преміи была признана его «Серенада.»

Наконецъ я предложилъ рѣшить вопросъ объ инструментахъ и для этого попросилъ членовъ въ мой кабинетъ, гдѣ резонансъ былъ много лучше, нежели въ гостиной. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ сейчасъ же и безъ малѣйшихъ преній. Я взялъ по нѣскольку аккордовъ поочередно на каждой изъ гитаръ. Двѣ изъ нихъ далеко оставили за собою всѣ остальные; это были гитары работы Шерцера и Аргузена. Первая была необычно-

венно хороша и превзошла силою и пѣвучестію тона всѣ гитары, какія только видѣлъ и слышалъ я до тѣхъ поръ. Вторая уступала первой въ силѣ и полнотѣ тона, но имѣла чрезвычайно серебристый и пѣжный тѣмбръ звука. Но вся честь инициативы безспорно принадлежала Шерцеру, потому что онъ одинъ придумалъ всѣ улучшенія инструмента, тогда какъ Аргузенъ только подражалъ, ибо имѣлъ въ своихъ рукахъ мою прежнюю гитару передъ отъѣздомъ моимъ за границу. Въ заключеніе я съигралъ по пьесѣ на каждой изъ увѣнчанныхъ гитаръ, которыя и оставилъ я за собою, заплативши за нихъ Шерцеру и Аргузену, сверхъ полученныхъ ими премій, ту цѣну, которую назначили они за свои инструменты. А когда мои сочлены прощались со мною, я поднесъ каждому изъ нихъ по два фунта превосходнаго чая, выписаннаго мною изъ Петербурга. Этотъ ничтожный подарокъ сдѣлалъ большое удовольствіе моимъ сотрудникамъ, которые очень любили русскій чай, и мы разстались вполне довольные другъ другомъ. Впрочемъ не знаю, вполне ли былъ доволенъ мною строгій судія несчастнаго соль-діеза. На другой же день я отправилъ въ Вѣну два поздравительныя письма со вложеніемъ по 800 франковъ въ каждое: одно вдовѣ Мерца, другое Шерцеру. А вскорѣ получилъ отъ нихъ и отвѣты, въ которыхъ они выражали самую глубокую ко мнѣ признательность.

Такъ кончился мой конкурсъ, который не вполне достигъ своей цѣли: онъ не открылъ ни одного новаго композитора съ огромнымъ талантомъ, который бы могъ съ честію занять мѣсто покойнаго Мерца. Но для возрожденія гитары я сдѣлалъ все, что было въ силахъ одного человѣка, котораго никто не поддерживалъ, не поощрялъ. Дай Богъ, чтобы кто нибудь другой былъ счастливѣе меня. Но едва ли возможно быть настойчивѣе, терпѣливѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ я. Едва ли кто съумѣетъ и сможетъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ бороться и съ равнодушіемъ своихъ соотчичей, и съ недоброжелательствомъ своихъ собратьевъ по инструменту, бороться и съ тысячами другихъ препятствій и не пасть духомъ, а смѣло идти и придти къ предположенной цѣли.

ГЛАВА XVII.

РАЗРУШЕНІЕ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЛАНОВЪ И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ
РОССІЮ. — ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ НАШЕГО ГЕРОЯ.

«Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и — спала пелена!»
ГРИБОЕДОВЪ.

«Ce qui est différé, n'est pas perdu».
(Французская пословица.)

Вскорѣ послѣ конкурса я написалъ на французскомъ языкѣ статью, въ которой, оплакивая смерть Мерца, отдавалъ должную дань хвалы его композиторскому таланту. Въ той же статьѣ говорилъ я и о Шерцерѣ, называя его Эраромъ гитары и исчисляя его великія заслуги по усовершенствованію этого инструмента, который такъ долго коснѣлъ въ китайской неподвижности. Я послалъ эту статью къ Косту въ Парижъ, гдѣ и была она напечатана въ «Revue et Gazette musicale». Въ январѣ располагалъ я ѣхать въ Парижъ, дать тамъ два или три концерта въ пользу бѣдныхъ и получить патентъ на европейскую извѣстность, въ успѣхѣ чего все заставляло меня надѣяться. Но — увы! — судьба снова подбросила мнѣ камень подъ ноги и разрушила всѣ мои планы.

(*) Что отерчено, то не потеряно.